Резервуар

Михаэль Драу

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

К «Топливному» циклу не относится, действие происходит на одной из колоний Материнской Планеты.

- Драу Михаэль
  - 1 глава

Драу Михаэль
Резервуар

1 глава

Миллион ламп, ведущих вниз.

Прямоугольники белых огней, словно освещающих путь в преисподнюю, расплывались в пелене слёз, казались разноцветными и гипнотическими, как будто смотришь на обыкновенную лампочку, приняв лошадиную дозу наркотиков.

Миголь не плакала, хотя очень хотелось. Она просто стояла на эскалаторе, облокотившись на блестящие перила и низко свесив лохматую голову. Рассматривала свои кислотно-розовые кроссовки, как будто ничего в целом мире не было интереснее. Но уж лучше смотреть на эту отвратную обувь, купленную мужем, чем на чёрное табло, на котором летят ядовито-зелёные секунды, отсчитывающие время назад. Время чьих-то жизней.

Приятный бархатистый голос то и дело сообщал, что до отбытия последнего поезда осталось столько-то минут и столько-то секунд. Мимо Миголь проносились какие-то люди, боявшиеся опоздать. Иногда толкались, хотя места на широких ступенях было сколько угодно. Миголь не возмущалась и не огрызалась и не неслась вниз по ступеням, хотя времени оставалось всё меньше и меньше. Пусть. Очень хорошо, что его меньше, этого проклятого времени.

Комендантский час в столице — это вам не простая условность где-нибудь в захолустье. Это на самом деле Комендантский час. В определённое время город должен просто-напросто выключиться. Никого не должно остаться на улицах и в общественных заведениях, в том числе и в метро. По крайней мере, никого из живых. Раньше сопротивленцы регулярно устраивали мелкие пакости для правительства. Но граждане ненавидели своих «благодетелей» за их деятельность едва ли не больше, чем страшных, абсолютно безжалостных и бесчувственных правителей — ибо террористические удары сопротивленцев зачастую приходились по простым обывателям. Но правительство не искало компромиссов. Если ты остаёшься в метро после отбоя, то, вероятно, задумал недоброе. Например, готовишь теракт. Попросту пускался газ, и все «недоброжелатели» умирали в считанные секунды, как бы хорошо ни прятались, конечно, если не могли достать респираторы. А респираторы выдавались городскими службами.

Полицаи в чёрных комбинезонах и защитных масках, спасавших от газа, поторапливали последних пассажиров и строго следили за тем, чтобы никто не вздумал прятаться где-нибудь за перекрытиями или электрощитками в надежде угодить в облако

смертоносного газа. С тех пор, как поезда стали недоступны самоубийцам — они двигались за глухими стенами, и броситься на рельсы оказывалось невозможно — желающие добровольно уйти из жизни (а таких всегда было много) нашли другой отличный способ, практически безболезненный к тому же. Нужно просто дождаться комендантского часа. И закрыть глаза.

Миголь заранее предвкушала собственный уход. Её найдут, может быть, через пару дней. Она будет лежать, свернувшись клубочком, такая маленькая, тоненькая и хрупкая. Ненавистный муж, конечно же, будет рыдать и винить себя во всём. Да-да, он во всём виноват! Пусть пострадает как следует. Ах, впрочем, какая разница?! И ни черта не будет трогательного мёртвого тельца. Будет скорчившийся труп с выпученными глазами и сведённым судорогой лицом. Миголь на мгновение стало жаль себя. Очень захотелось вернуться. Поймать машину и приехать домой. Забраться в горячую ванну, выпить большую-пребольшую кружку любимого горячего шоколада со сливками и забыть весь этот вечер. Чудовищный вечер. Самый ужасный в жизни.

Пробегающая мимо тётка, здоровенная, взрослая (достаточно взрослая для того, чтобы быть мужчиной, но при этом уже скорректированная, а значит, женщина навсегда), неловко толкнула Миголь мускулистым плечом и огрызнулась:

— Чего раскорячилась, корова?

Не дождавшись ответа, понеслась дальше вниз по ступенькам эскалатора, придерживая развивающийся шарф с безвкусным мелким рисунком.

Миголь захотелось крикнуть ей вслед что-нибудь обидное. Например, что она сама корова великовозрастная. Нет, лучше старая. Да, точно, старая корова. Старая вульгарная корова, которая никогда не станет мужчиной. И вообще, чтоб ты на поезд опоздала, дура!

Но Миголь ничего не крикнула. Зачем? Какой смысл портить себе последние мгновения жизни мелкой руганью? Тем более, с какой-то там мещанкой. Миголь никогда не забывала о своей отличной родословной и о своём более чем удачном браке. Не престало жене Старшего Советника грызться с глупой скорректированной гусыней.

Вспомнив о муже, Миголь вдруг разревелась. Резко и сразу навзрыд. Она вспомнила то, что так хотела выбросить из головы. Это он. Это всё он. Это его головорезы убили Лайлу. Как он только мог узнать обо всём? Об их тайных встречах и прекрасных ночах, проведённых в объятиях друг друга, о поездке на Озеро, о прогулках в горах и самом настоящем ливне, из-за которого они неделю прожили в очаровательном бунгало на берегу,

довольствуясь тем, что предлагала служба доставки. Лайла была чудесной женщиной. К сожалению, скорректированной, хотя и довольно взрослой. С удивительными серыми глазами и чуть грустной улыбкой. Она сбежала от своего мужа и выдавала себя за мужчину. Она жила как мужчина, носила мужскую одежду и мужские цвета, она говорила о себе «он» и ничего не боялась, хотя всё-таки осторожничала и не лезла на рожон. Что ж, подобное поведение карается строго. Очень строго. Но не строже, чем покарал её ревнивый муженёк Миголь. Сама юная женщина узнала обо всём только сегодня вечером. Совершенно случайно, она даже и не могла вспомнить — как. Кто-то сказал. Где-то услышала. Почувствовала. А уж как он пытался отвлечь её весь этот месяц!

Как он мастерски избегал тем про «интрижку, недостойную леди». Как пытался задобрить подарками и красочными жестами. Вроде истории с покупками проклятущих кроссовок. Привёл в самый дорогой магазин одежды, обвёл застеклённые сверкающие стеллажи и прилавки рукой и сказал — выбирай. Миголь была злая. Миголь была обиженная. Она хотела сделать что-то плохое. «Недостойное леди». Наперекор мужу. Указала пальцем на проходившую мимо магазина совсем молоденькую женщину и потребовала её кроссовки. Не такие же точно, а её. Здоровенные секьюрити муженька мигом догнали незнакомку, заплатили ей столько, сколько она в жизни не видала, и принесли чудовищно безвкусную, яркую обувь Миголь. Она немедленно надела розовое убожество и демонстративно носила его везде и всегда. Даже под вечернее платье, когда муженьку вздумалось потащить жену с собой на какой-то светский приём. В этой же обуви Миголь решила умереть сегодня.

До глубокой ночи бродила она по улицам и рыдала, вспоминая свою Лайлу. А потом спустилась в метро.

Кто-то мягко прикоснулся к плечу. Миголь вздрогнула и резко оглянулась. Какой-то приятного вида интеллигентный старичок сочувственно заглянул ей в лицо и проговорил:

— Вам плохо?

Миголь вдруг захотелось броситься к нему на шею и рассказать всё-всё-всё. И про Лайлу. И про то, как мерзко и подло поступил муж, используя своё право нанимать убийц. Но старичок всего лишь был вежлив. Не стоит отнимать у него драгоценные секунды, оставшиеся до отбытия последнего поезда. Миголь с усилием растянула губы в улыбке и помотала головой.

— Нет, нет, всё в порядке. Просто устала…

Старичок с чувством выполненного долга заспешил дальше вниз. Миголь осталась одна. Ну, вот и всё.

Укрытие от полицаев она нашла довольно быстро. С её габаритами несложно было забиться в какую-нибудь щель между панелями, в пыль и паутину. Миголь ещё успела подумать, что быстрее газа её может убить током. Но обошлось. Миголь замерла и стала ждать. То и дело слышался приятный голос диктора, сообщавший, сколько осталось минут до пуска газа. Пару раз мимо проходил полицай, высматривавший припозднившихся. Но никто не заметил маленькой юной женщины.

Лицо в чёрном блестящем респираторе и защитных очках возникло в проёме так резко и неожиданно, что Миголь пискнула.

— Ты ещё кто такая?! — рявкнул полицай, протянул крупную пятерню, мигом сомкнувшуюся на предплечье Миголь, и рванул на себя. Женщина упиралась изо всех сил, но её выволокли из ненадёжного укрытия. Послышалось свистящее шипение пущенного газа. Но быстрее, чем тонкие ноздри Миголь в последний раз вздрогнули, полицай вынул из специальной сумки-пояса резервный респиратор и прижал его к лицу спасённой суицидницы. Та отчаянно замотала головой, визжа и отбиваясь, даже попыталась царапаться, но полицай не обращал внимания на жалкие попытки сопротивления. Он схватил другой лапой Миголь за загривок и поволок куда-то.

— Сейчас выясним, что ты там делала, дрянь такая…

— Пустите, пустите! — кричала Миголь, — Я не террористка!

— Документы есть?

— Есть!

Миголь подумала, что если она всё расскажет, то её отправят домой. К ненавистному муженьку. Поэтому пробормотала неуверенно:

— То есть, да…наверное…Дома…

— Где живёшь? — бубнил полицай, продолжая тащить за собой хрупкое создание, как куклу.

— Не помню! Я ничего не помню! Отпустите меня, пожалуйста…

Полицай приволок её с собой к подсобке. Здесь, за несколькими заграждениями, располагался пост. Ребята с минуты на минуту закончат обход и соберутся. Опять одни и те же разговоры про жён или юных выпускниц, про ужасы ночных улиц, про правительство, про спорт и прочее-прочее. Потом нейтрализуется газ, дезинфицируется всё метро, и снова надо идти в обход, разыскивая трупы суицидников, неудавшихся террористов или бомбы, которые смертники всё же успели заложить. Иногда ночи бывают спокойными. Иногда приходится туго. Обычная работёнка.

В предварительном отсеке включилась автоматическая

дезинфекция, и Миголь снова пискнула, когда по голым тонким ногам ударили горячие струи пара. Ситцевая юбка в кремовую полоску взметнулась, на секунду показав плавочки, но полицай даже не повёл бровью. Он протащил свою находку дальше, и вот, наконец, они оказались в подсобке. Здесь уже смотрели маленький плоский телевизор несколько сослуживцев. Однако больше заняты были смакованием последних новостей.

— …И клюшками своими просто выпотрошили к чёртовой матери, правда, сожрать не успели — их другая команда спугнула, побольше… — рассказывал один из полицаев, подкрепляя рассказ жестами и богатой мимикой. Потом он и его собеседник обратили внимание на вошедших.

— Ой, это кто тут у нас? — улыбнулся рассказчик.

— Сейчас выясним, — буркнул тот, кто обнаружил Миголь, и она вздрогнула, попытавшись снова сыграть беспамятную дурочку.

— Да чего тут выяснять? — снова усмехнулся разговорчивый полицай, — Очередная несчастная любовь, да, детка? Но самоубийство — не самый лучший выход. Тем более, за счёт наших нервов. Ты думаешь, нас начальство по головке гладит, когда мы рапортуем о количестве найденных задохнувшихся?

Миголь не дослушала и снова расплакалась.

— Ну не реви, — оборвал её первый полицай, не слишком-то бережно дёрнув за плечо, — Ты главное вспомни свой адрес, отвезём тебя к мужу, и пусть он тебе мозги вправляет.

— Я не помню, — упрямо твердила Миголь, — Я ничего не помню.

— Ну ладно, ладно, ложись поспи. Утром разбудим, может чего и вспомнишь. Чаю хочешь?

Миголь растерянно кивнула, забираясь на низенький потёртый диванчик.

Ей протянули большую керамическую кружку с дымящимся горячим напитком. Слишком крепкий и горький. Она любит со сливками и с сахаром. Но пришлось пить. Миголь вела себя тише воды, ниже травы, и мужчины постепенно утратили к ней всяческий интерес. Но потом Миголь обратила на себя внимание.

— А у вас у всех есть жёны? Может быть, кому-то нужна?

Полицаи усмехнулись, поглядев на неё.

— Нет, правда, я же могла бы…

— Вот ещё! Нелегалку брать! — угрюмо буркнул тот самый полицай, что первым обнаружил её, — Ещё не известно, чья ты. Не оберёшься проблем потом с твоим муженьком!

О да, подумала Миголь, вы уж точно проблем не оберетесь! Но лучше уж к какому-нибудь из этих мужланов, чем домой к

мужу-убийце.

— В общем так, — продолжил полицай, — Завтра же пробьём по базе. Выясним, кто ты да откуда. Ох, и влетит же тебе от мужа! Ха, суицидница…

Миголь поникла. Конечно же, выяснят. Конечно же, влетит. Самое ужасное то, что муж приставит к ней этих своих маленьких мерзких созданий, отбракованных в лаборатории — андрогинов. Генетические уродцы. То ли лилипуты — пропорциональные тоненькие куколки с детскими личиками, то ли вечные подростки, с ложно-взрослым телом, но не созревшие физиологически. Созревание и гормональный разлад убивает их. Они умирают, зачастую едва достигнув возраста пятнадцати лет. Но это вовсе не мешает «детям» справляться с сильными противниками, превосходящими их в массе и силе. От таких «нянек» уж точно никуда не скроешься. Лишнего шага в сторону не сделаешь. Маленькие, юркие, гибкие, вкрадчивые, как кошки, они будут следовать по пятам. Всегда.

Миголь поёжилась.

Через несколько часов откроются полицейские участки, и её данные немедленно обнаружат в базе любого компьютера. И отвезут мужу…

План возник в голове внезапно и сразу в полной мере. Надо попросту сбежать. Сейчас.

Ночь? Да, поговаривают разное про ночной город. Да больше врут! Сказки всё это — про хоккеистов и про крыс размером с собаку. Придумали, чтобы молодые жёны к любовникам и любовницам не бегали.

— Мне нужно в туалет, — соврала Миголь.

— Ох уж горе-то луковое на наши головы! — вздохнул один из полицаев, тот самый, который больше всех любил поболтать, — Ну ладно, потерпи немного — скоро газ перестанет подаваться, и тогда свожу, покажу, где туалет.

Миголь стала ждать. Время тянулось мучительно долго. Ночь становилась темнее и глуше. Миголь даже показалось, что она слышит попискивание мутировавших крыс и размеренное «вжжжжих-вжжжжих» коньков хоккеиста по асфальту. И отвратительное пошкрябывание ужасной наточенной клюшки…И по этой ночи надо будет идти. Куда идти? Сколько идти? И к кому?

Но вот полицай протянул руку:

— Ну что, суицидница беспамятная, пошли что ль?

Он повёл юную женщину за собой. Через некоторое время они подошли к ряду однотипных узких дверей из белого пластика с соответствующим значком. Миголь быстро юркнула внутрь и

закрылась.

Деловито осмотрела потолок, стены, пол, ища люк, отдушины и вообще хоть что-нибудь, что могло бы привести к свободе. Как раз под потолком — большая труба, ведущая в вентиляционную шахту. Через неё можно выбраться наверх, из метро. Миголь несколько раз безуспешно подпрыгнула, потом догадалась влезть на унитаз и отодвинула люк в сторону. Уставилась в квадрат абсолютной черноты. Туда? Туда придётся лезть? Миголь поёжилась. Есть два варианта — вернуть люк на место, спрыгнуть с унитаза и вернуться к полицаю, а утром в любом случае оказаться в лапах муженька. Либо лезть в темноту. Миголь решительно вцепилась пальцами в край люка и подтянулась. Хорошая физическая подготовка сослужила отличную службу в этих акробатических упражнениях — не зря жена Советника проводила так много времени в спортзалах и бассейнах.

Миголь споро ползла на четвереньках по трубе, пока не почувствовала затылком сквознячок. Задрала голову. Высоко над ней — ночное чёрное небо в сеточку. Вертикальный подъём оказался достаточно узким, чтобы можно было упереться в одну стенку спиной, а в другую ногами, согнутыми в коленях, и руками, и так ползти вверх. Миголь продвигалась всё выше, чувствуя прилив сил и энтузиазма. Оказалось не так-то сложно сбежать. Почему-то совсем не возвращаются мысли о самоубийстве. Прошёл пик накала эмоций, и теперь глаза не застилает пелена горя. Отомстить мужу можно не только своей смертью, но и своей жизнью. Можно выйти замуж за его главного соперника по Совету, а можно, повзрослев и став мужчиной, пробиться в Совет и встать на сторону этого самого соперника. Миголь усмехнулась.

И вдруг услышала шорох. Короткий топот. Шкряб-шкряб-шкряб. Тихо и быстро. И приближается. Миголь вся похолодела и глянула вниз. Мелькнули два крохотных алых огонька. Пыхтение и фырканье. Цоки-цоки-цоки-цоки-цоки-цок… Коготки по металлу. Оно тоже лезет вверх.

Миголь взвизгнула. Крыса! Конечно же, крыса!

Да их же там несколько!

Судорожно и сипло дыша, юная женщина с утроенной силой стала карабкаться вверх и вскоре пёрлась в решётку. Проклятье! Заело!

— Фух-фух-фух-фух-пиииииип-пиииии-пи-пиип! — слышалось всё ближе.

Отвратительные твари! Как мерзко! Хныкая и глотая слёзы, Миголь остервенело трясла решётку, пока та не поддалась. Лодыжку щекотнули длинные тонкие усы. Миголь со всей силы

пнула тварь по морде и буквально вылетела наружу. Плотные бурые тела, продолговатые и гибкие, метнулись было следом, но Миголь, прорычав, со всей силы швырнула решётку вниз. Крысы зашипели и запищали, не удержавшись острыми когтями, и покатившись вниз. Одна ещё некоторое время цеплялась за решётку голыми когтистыми пальцами, до тошноты похожими на человечьи, грызла железные прутья, но не могла пробиться к ускользнувшей добыче. Миголь стояла и смотрела вниз на извивающуюся тварь и приводила дыхание в порядок. В конце концов, крыса поняла, что полакомиться свежим мясом не удастся, сверкнула злобными умными глазками и отцепилась от решётки, зацокав коготками вниз по отвесной стене.

Миголь глубоко вздохнула и огляделась. Ночь в городе тиха. Громады высоток высятся, словно причудливый каменный лес. Широкие пустынные магистрали освещаются только высокими фонарями. Ни одно окно не горит — все закрыты ставнями и металлопластиковыми жалюзи. Тихо. Очень тихо. Жутко и холодно. Миголь потёрла плечи руками, переступила с ноги на ногу, не решаясь тронуться с места в какую-либо сторону. Ведь тогда придётся сделать и второй шаг. И третий. И идти. Куда? Сколько идти? И зачем? Пожалуй, вся эта выходка была с её стороны большой глупостью. Надо вернуться домой. Да, надо. А потом развестись. Конечно, придётся вернуться в Интернат и ждать следующих смотрин аж до самого Равноденствия. И, хоть она и была женой самого Советника, но развод здорово портит репутацию, и теперь не так легко удастся выйти замуж за кого-то достойного. И как знать, может быть, её не захотят обучать, а заставят принимать гормоны, а затем и вовсе пройти процедуру коррекции. Миголь передёрнула плечами. Она не намерена была оставаться женщиной вечно.

Как бы то ни было, надо идти. Домой? Да. Пожалуй, всё-таки домой…

Город торчал вокруг изломанными квадратами, прямоугольниками и порой странными причудливыми силуэтами домов разных эпох и архитектурных стилей. Миголь начала даже находить особую прелесть в незапланированной ночной прогулке. Ночь она видела разве что на картинах, в кино и видео-играх. И ещё читала о ней в книгах. В настоящих книгах, сделанных из настоящей бумаги, а не в плоских электронных мониторчиках или в печатных изданиях, изготовленных из полимеров. Муж знал толк в антиквариате. У него имелась обширная коллекция классики довоенной литературы. Настоящие книги вкусно пахли жизнью и покоем тёплых шершавых страниц и чернил. А ещё в них были картинки. Не голографические, а простые рисунки.

Самые настоящие рисунки, выполненные человеческими руками, а не компьютерной программой.

Миголь иногда мечтала жить в ту эпоху. Правда, там было слишком мало понятного. Классики покрывшегося пылью прошлого подчас восклицали на страницах своих книг, надолго переживших создателей: «Этот мир сошёл с ума!» И Миголь приходила к выводу, что они не ошибались.

Шаги юной женщины, казалось, были слышны на противоположном конце улицы. Над головой плыло бескрайнее звёздное небо. Миголь не могла им налюбоваться. Долгие века звёзды глушил свет неона мегаполисов. Но сейчас, с введением Комендантского часа, рекламу отключили — на ночных улицах не было никого, кто мог бы ею заинтересоваться. Но и звёздами полюбоваться никто не мог. И Миголь гордилась, что ей выпала такая удача. Мысли о Лайле ныли пульсирующей тихой болью где-то под сердцем, но уже не заставляли бежать в метро в надежде глотнуть смертельного газу. На глаза наворачивались слёзы, и Миголь вытирала их кулачком. Ничего. Она ещё отомстит. О да. Муженёк ещё пожалеет, что так поступил!

От ночной красоты и гордых мыслей Миголь отвлекла совсем уж низменная потребность. Проклятый чай дал о себе знать. Повертев головой по сторонам, юная женщина обнаружила на углу улицы вполне укромное местечко — роскошный старинный балкон отбрасывал на стену густую тень. Миголь понимала, что в этот час никто её не застанет. Но природный стыд не позволял мочиться на хорошо освещённом месте. Подбежав к стене, Миголь быстро задрала юбку и сдвинула плавочки в сторону. Стоя перед стеной и задумчиво глядя на свой член, женщина размышляла — подрастёт ли он ещё немного? В конце концов, она ещё молода. Может быть, рост ещё не прекратился? Хотелось бы и в этом превзойти муженька. Заправив член обратно и вздохнув, Миголь поправила юбку, развернулась и совсем уж собралась идти. Как вдруг услышала какой-то резкий шорох. Замерла, оглянулась. Заметила, что совсем рядом с тем местом, где она избавилась от излишков чая, находится арка. Непроницаемо-чёрная арка, ведущая в заброшенный внутренний дворик. Мимо таких люди даже днём стараются едва ли не бегом проходить. И края этих арок всегда исписаны причудливым граффити, а то и покрыты высечками. Поговаривают, что это дело рук хоккеистов, которые устраивают свои берлоги в подобных местах. Но Миголь сама этому не верила. Наверняка просто балуются малолетние лицеистки или выпускницы интернатов. Кроме крыс в таких двориках вряд ли кто может жить. И вообще, хоккеисты — это сказка. Город любит создавать сказки.

Шорох повторился. Миголь прищурилась и вытянула шею, пытаясь что-либо разглядеть. Ох, только не крыса! Хватит на сегодня крыс. Но шорох повторился опять и опять. Опять и опять. Ритмично. Всё ближе. Вжжжих, вжжжих, вжжжжих.

Миголь отступила. И почти сразу же увидела то, что считала сказкой. Громадный широкоплечий силуэт в драной грязной майке, поверх которой было надето некое подобие пластикового доспеха, какие некоторое время назад использовали силовые структуры. В тени массивной металлической каски ярко горели две циановые точки нечеловеческих зрачков. Блестели, как стекло, оскаленные ослепительно-белые зубы. В мускулистых лапах сверкала жуткая клюшка, которая скорее являлась модифицированной косой. Бритвенно-острое лезвие оставляло в бетонном покрытии мостовой глубокие полосы. Хоккеист приближался с невероятной скоростью на своих коньках, устроенных по типу танковой гусеницы.

Миголь судорожно задохнулась в проглоченном вопле страха. Развернулась и ринулась прочь от чудовища.

Хоккеист зашипел, высунув ярко-малиновый, почти лиловый язык, и прибавил ходу. Миголь неслась со всех ног. Молоточком в виске стучала мысль — догонит, догонит, догонит! И одним взмахом своей клюшки снесёт голову. Все их жертвы найдены обезглавленными и с начисто выеденным мозгом.

С боку мелькнули другие огоньки. Откуда только эти твари повылазили? Миголь прянула в сторону, словно заяц от гончих, и несколько хоккеистов ринулись следом, опуская головы на толстых мощных шеях и утробно рыча.

Они двигались плавно и грациозно, скользили по бетону и асфальту, как тени, сверкая зрачками, сталью своих клюшек и острыми зубами. Миголь взвизгивала, когда кто-то из них оказывался слишком близко и размахивался клюшкой. Удавалось увернуться. Но это ненадолго. Она устанет. А они, если верить легендам, никогда не устают. Что ж, кажется, пора начинать верить легендам…. А не слишком ли поздно?

Миголь заплакала, юркнув в сторону и снова помчавшись по улице. Их ничем не разжалобить. С ними невозможно договориться. Они понимают человеческую речь, и в прошлом, как поговаривают, сами были людьми, но теперь они — охотники. А люди для них — пища.

Они целенаправленно загоняли Миголь. Как она очутилась всё у той же стены под распроклятым балконом, и уж тем более почему юркнула в исписанную граффити арку, юная женщина так и не поняла.

Во дворике было холодно, промозгло и темно. Только

мелькание циановых огоньков повсюду. Миголь, рыдая, завертелась на месте. Судорожно высматривала пути к отступлению или хотя бы что-нибудь, что можно использовать в качестве оружия. Оружие против хоккеистов? Их не берут даже пули! Некоторое время правительство ещё пыталось справиться с этой ночной напастью, но, как оказалось, проще оставить городских хищников в покое. В конце концов, сами они никогда не ломятся в чужие дома. Их добычей всегда становились неосторожные идиоты. Вроде Миголь.

Какие же они страшные. С оскаленных зубов стекала голубоватая субстанция, похожая на гель. Миголь крутилась на месте, тоненько поскуливая, а шесть или десять хоккеистов кружили и кружили, постепенно сжимая кольцо.

— Игра! — раздался низкий хрипловатый вопль.

Миголь дёрнулась в ту сторону, откуда донёсся голос. И обмерла, почувствовав, как слабеют коленки.

В самом тёмном углу двора находились ворота. Скрученная из толстой колючей проволоки коробка, почти полностью заваленная человеческими черепами. Перед ней — громадный, квадратный от массивных «доспехов» Вратарь. Белоснежная пластиковая маска с узкими прорезями для глаз скрывала лицо, и из просверленных дырочек медленно струились, стремясь к земле, клубы сизоватого холодного пара. Ночной воздух в несколько десятков раз теплее дыхания этого чудовища. В руках его, полностью скрытых под прямоугольными щитками, блеснула клюшка подстать своему хозяину — настоящая коса с широким прямоугольным лезвием и титановыми вставками для дополнительной прочности.

Вратари — своеобразные «матки», вожаки и опекуны хоккеистов. Урбанистическим чудовищам для поддержания жизни нужны человеческие жиры, дающие наибольшее количество необходимой энергии, или на худой конец человеческий белок, но «мясо» слишком горячо для их заиндевелых внутренностей, и только Вратарь — самый старый в стае — может охладить тело очередной жертвы до нужной температуры, не разрушив драгоценные питательные ткани. Хоккеисты загоняют жертв к Вратарю, и тот затем делит добычу по своему усмотрению, но всегда оставляя голову себе. А потом то, что остаётся, выбрасывают, зачастую не так далеко от своих нор. Горожане только горестно вздыхают и опасливо сторонятся растерзанных трупов, пока не приедут полицаи и не увезут останки. Никто не может ничего предпринять. Неужели существование хоккеистов выгодно кому-то из правительства? А может быть, оно их и создало?…

Как бы то ни было, Миголь сейчас меньше всего интересовала политика. Игра. Игра — это забава с отсечённой головой жертвы. Они катают её по земле, кидают друг другу в надежде первым забить гол в ворота. И тогда Вратарь поделится маленьким кусочком мозга. А может, сделает своим фаворитом и учеником. А позже удачливый игрок сам сможет стать Вратарём.

Именно этот ритуал, а также внешний вид экипировки и дал хоккеистам их название. Когда-то очень давно, до Пыльной Войны, хоккеистами назывались простые спортсмены. И правила их игры были совсем другие. Но теперь глупо вспоминать добрые старые времена. Сейчас ей отсекут голову. Миголь зажмурилась и закричала что есть сил:

— Я жена Старшего Советника! Отпустите меня, и я распоряжусь, чтобы у вас было столько мяса, сколько вы захотите!

Звякнули «доспехи» Вратаря — он вскинул руку, и хоккеисты, недовольно бурча, отъехали подальше. Громадная квадратная туша плавно двинулась в сторону Миголь. Женщина замерла, почти не дыша. Вратарь чиркнул коньком по асфальту и остановился. Потом снял шлем и маску. Оказалось, что своими размерами он обязан «доспеху» — судя по шее, он вовсе не толстый. Крупный, гораздо крупнее прочих, высоченный, но не толстый. Миголь затравленно посмотрела на него. Неестественно-чёрные стеклянные глаза, чёрные полностью — и склера, и радужка, и зрачок, а в центре каждого зрачка — яркие синеватые огоньки. Лицо — овальное и правильное, как у манекена или какого-нибудь члена правительства. С виду мягкие аккуратные губы. Белая-белая, в синеву, кожа. Красивый. Если бы не такой устрашающий. Вратарь медленно растянул губы в улыбке и показал острые хищные зубы. Потом так же медленно провёл по ним исчерна-фиолетовым языком. И прохрипел:

— Жена Старшего Советника?

Миголь стояла перед ним, не шевелясь, маленькая, тонкая и такая хрупкая. Неужели ей конец? Не верится. Не хочется верить.

Вратарь развернулся к ней широченной спиной и вальяжно укатил обратно, к своим жутким воротам. Выводок прекратил кружиться и с недоумением поглядел вслед вожаку. Тот водрузил на лицо свою пластиковую маску и рявкнул:

— Пусть убирается.

Хоккеисты недовольно забурчали, Миголь напряжённо следила за каждым их движением, ожидая, что в любую секунду окажется, что Вратарь пошутил, и Игра состоится. Но тот низко пророкотал:

— Уходи. Медленно.

Миголь плавно отступила, настолько медленно и осторожно,

насколько была способна. Ни в коем случае не пробудить охотничий инстинкт этих тварей неосторожным движением. Конечно, они беспрекословно подчиняются Вратарю, но…

Миголь пятилась, пока не почувствовала спиной сквозняк. Выход из дворика. Едва скрывшись за угол, всё так же пятясь, Миголь развернулась на каблуках и бросилась бегом по улице.

Она неслась так быстро, как только могла. Ей чудилось мерное «жжжжиxx-жжжжиxx» за спиной. Но хоккеисты не гнались. Почему? Отпускать лёгкую добычу — не в их правилах. Значит, сегодня умрёт кто-то другой. Менее удачливый, чем Миголь.

Господи, и почему только они её отпустили?

А впрочем, какая разница?

Домой. Домой-домой-домой-домой… К чёрту обиду, к чёрту эти выкрутасы, эту месть. Лайлу не вернуть, а жизнь продолжается — это ощущается каждой клеточкой тела, которое несколько минут назад едва не растерзали криогенные чудовища. Больше никаких вылазок в ночной город! Сидеть рядышком с дражайшим мужем! Если даже такие чудовища, как хоккеисты, отпускают пойманную дичь, только заслышав имя Старшего Советника, то какова же его власть! Надо это ценить… Надо… Но Миголь едва не плакала от безысходности.

Наконец, её тело сдалось. Не в состоянии больше сделать ни шагу, женщина оступилась и упала на тротуар. Чуть приподнявшись, она обхватила плечи руками и заплакала.

— Эй! — раздался громкий свистящий шёпот. Миголь визгнула и вскочила на ноги, заозиравшись.

— Да не шуми ты! — продолжал шипеть кто-то невидимый, — Тут я, внизу. А ты стоишь и маякуешь. По хоккеистам соскучилась?

Миголь быстро опустила голову и увидела в крошечном зарешёченном окошечке подвала, почти пошлостью скрытым за несколькими слоями асфальта, чумазое сердитое лицо.

— Ты к…кто? — Миголь даже икнула от недавнего плача и испуга.

— Лезь сюда, дурёха! Живо! Тут недалеко целое стадо на охоту вышло…

— Как я к тебе пролезу?! — всплеснула руками юная женщина.

— Вон, видишь за углом дверь ржавая?

Миголь потратила несколько минут на то, чтобы отыскать вход в подвал.

Конечно, спускаться в темноту к незнакомцу было страшно. Но не страшнее, чем беспомощно сидеть на улице в ожидании хищников. Интересно, речь шла о той самой стае, или тут уже

начинается территория другой «команды»?

В подвале оказалось множество дверей, в большинстве своём давно заваренных или замурованных. И в крошечном квадратном пространстве Миголь столкнулась с тем, кто заставил её покинуть опасное открытое место.

Такой же молодой, как она, мужчина в дутой куртке и лыжной шапочке, из-под которой торчат неровно обрезанные соломенные пряди. Светло-карие глаза сердито сверкнули в слабом свете карманного фонарика.

— Ты чего по ночам шляешься? Совсем жить надоело? Да ещё наведёшь сюда этих чёртовых…

Мужчина замолчал, смерив Миголь оценивающим взглядом.

— Чего, с дому сбегла?

Миголь быстро закивала, потерев руками плечи — в подвале было сыро и холодно. А потом отрицательно помотала головой.

— Нет, не сбежала. Заблудилась… Ну…так получилось…

— Интересно, как! — прищурил глаз мужчина, — Клубы и танцульки всякие закрываются задолго до комендантского часа. Успела бы и добраться до дому. Ох. Ну ладно. Ты в каком районе-то живёшь?

— В Перламутровом, — проговорила Миголь, шмыгнув.

Мужчина присвистнул.

— Ооо… Ишь ты. Круто ты замуж выскочила!

Миголь поёжилась, обхватив себя руками за плечи. Болтать совершенно не хотелось. Она устала, замёрзла, натерпелась ужасов на всю оставшуюся жизнь и проголодалась.

— Ну ладно, пошли уж. Я тебя выведу в коммуникации под твоим районом, а там сама вылезешь. Думаю, дорогу найти сможешь.

Мужчина развернулся и зашагал дальше. Миголь покорно поплелась за ним, размышляя, не стоит ли напомнить нахалу, что вообще-то даме следует уступить куртку. Это кто угодно знает.

Однако мужчина не оборачивался даже чтобы проверить, не отстала ли Миголь.

Может быть, он из этих, из диких? Живёт где-нибудь на окраине. Не слыхал ничего про правила поведения в обществе. Хотя, у него голос такой, как будто едва начал ломаться. Значит, должен быть либо в интернате, либо только-только вышедшим замуж и являться добропорядочной женщиной. Но никак не разгуливать свободно по канализациям. Ой, а вдруг сбежал от мужа? И идентифицировал себя раньше, чем разрешено законом?… Или не просто сбежал, а убил его? Как Лайла.

Воспоминание о любовнице заставили Миголь горестно изогнуть брови и всхлипнуть.

Мужчина полуобернулся.

— Чего, простыла?

Миголь неопределённо помотала головой. Её спутник приостановился, скинул куртку, почему-то старательно отворачиваясь, и протянул её женщине. Миголь быстро укуталась, невнятно поблагодарив.

Дальнейший путь они совершали в молчании, которое Миголь показалось тягостным. Хотелось о многом расспросить своего проводника. Кто он такой — этот вопрос мучил сильнее прочих.

Но вот, наконец, незнакомец остановился и произнёс:

— Всё, дальше не иду. Вон туда иди прямо, потом свернёшь и всё время налево. И там будет лестница наверх.

— А почему ты не идёшь? — спросила Миголь, глянув искоса. Не очень-то хотелось одной идти по тёмному сырому туннелю, где в боковых ходах возились крысы.

— Потому что. И так потрачена на тебя куча времени. А мне надо ещё встретить кое-кого. Так что давай куртку и вперёд.

Миголь обиженно надулась, стащила с себя куртку и вернула владельцу. Он быстро оделся, почему-то снова отвернувшись.

— Всего хорошего! — быстро буркнул незнакомец и торопливо зашагал в обратную сторону.

Миголь шагнула было следом, раскрыв рот, чтобы попросить фонарик. Но её случайный спутник уже скрылся за поворотом. Бежать за ним не было никакого желания. Тогда Миголь развернулась и торопливо зашагала в указанном направлении. Потом ускорила шаг — стал чудиться приближающийся шорох. Когда Миголь, шумно дыша, судорожно карабкалась вверх по скользкой ржавой лестнице, осторожные крысы вышли из укрытий и чинно уселись у подножия лестницы, подняв кверху острые задумчивые морды.

Миголь толкнула крышку люка и торопливо выбралась на воздух.

Теперь можно отдышаться. Хочется верить, что никакая стая хоккеистов здесь не охотится. Ох, и когда же правительство обратит внимание на эту напасть!

Немного отдохнув, юная женщина поднялась и зашагала по знакомым улицам, мимо спящих домов и окон с опущенными ролл-ставнями, мимо припаркованных у обочины никому не нужных машин. Кому придёт в голову промышлять ночным угоном, если каждая вылазка может закончиться встречей с хоккеистами или обнаглевшими крысами?

Миголь встала перед замысловатой вязью кованых ворот и, вдохнув, нажала на кнопку звонка. К её удивлению, ответили

сразу. Но не муж — ох, слава богу! — а управляющая. Трана была женщиной серьёзной, умной, они во многом понимали друг друга с мужем Миголь, и это временами даже заставляло юную женщину ревновать. Муж запретил своей старшей жене инициализироваться и настоял на физической коррекции именно потому, что не хотел расставаться с нею. А Миголь вряд ли сможет потягаться с Траной в интеллектуальных способностях, да и характером не слишком приятна. Муженёк наверняка вытолкает её взашей из дому в назначенный срок, наскоро распорядившись принять на работу куда-нибудь в Министерство. Словом, проблем с инициализацией, как у бедной Траны, возникнуть не должно. И этот факт не мог не радовать.

Трана жила на вполне привилегированном положении и вела себя крайне учтиво и даже мило по отношению к взбалмошной Миголь. Прекрасно справлялась со своими обязанностями и ничем не выказывала своего недовольства по поводу того, что ей не позволили стать мужчиной в назначенный срок. Но один раз Миголь услышала, как она плачет, и с тех пор перестала относиться к управляющей как «к старой грымзе».

— Ох. Госпожа Миголь! — воскликнула Трана, едва увидев лицо жены своего хозяина на мониторчике видеофона, — Слава богу, вы вернулись!

Без лишних слов она дистанционно открыла ворота, и Миголь, чуть понурившись, направилась к дверям родного особняка. Когда она оказалась в привычном тепле и царстве дорогих ароматов, горячая ванна и какао были уже приготовлены, а расторопные домашние андрогинны помогли раздеться и собрались прислуживать юной госпоже во время купания, но в роскошную ванную комнату вошла Трана, прямая и высокая, держащаяся с достоинством, присущим жене Верховного, а не какой-то там экономке. Она отослала маленьких созданий с полудетскими личиками и с телами взрослых людей прочь, а сама взялась за расчёску и шампунь. Пока Миголь нежилась в ванной, Трана тщательно расчёсывала её мягкие волосы смоченной в шампуне щёткой и хранила то молчание, которое обычно предшествует важному разговору. Что ж, она неспроста отослал прислугу и занимается работой, которой нет в её контракте.

Миголь нарушила гнетущую тишину первой:

— А где мой муж?

— Господин Клаус отбыл в Министерство. Там случилось ЧП, — ответила Трана и добавила более тихим голосом, — И именно о вашем муже я и хотела бы поговорить. Точнее, о вашем отношении к нему.

Миголь дёрнула уголком губ. Да какое этой…переделанной

дело вообще до её отношений с мужем?! Но Трану вовсе не хотелось оскорблять подобными резкими фразами.

— Хм…о моём отношении?

— Господин Клаус очень волновался о вас. Вы исчезли и пропадали где-то всю ночь. Вы могли пострадать.

Миголь слегка передёрнула плечами, припоминая крыс и встречу с хоккеистами.

— Но всё же в порядке? — невинно улыбнулась она.

— Да. Но всё же вы не должны так себя вести.

Ох уж эти мне проповеди! — вздохнула Миголь, чуть передёрнув плечами.

— Господину Клаусу и так сейчас нелегко приходится. Тем более, сегодня. А вы ведёте себя крайне эгоистично.

— Послушай, — Миголь повернулась к ней, чуть прикрыв глаза, — Какое тебе вообще дело до того, как я себя веду? И что ты так печёшься о своём хозяине? Кажется, подобная забота — дело официальной жены, не находишь?

Трана отодвинулась, отложив щётку.

Как будто отхлестали по щекам. Эта малолетка, которая совсем недостойна Клауса…

— Господин Клаус прибудет через час, как сообщил, — холодно проговорила женщина, поднимаясь и покидая ванную комнату.

Миголь понежилась в одиночестве какое-то время. Потом торопливо домылась и направилась в супружескую спальню ждать мужа. В голову настырно лезли мысли о Тране и муже. Они оба были несчастны. Они не могли и оставаться вместе как муж и жена, но не могли и расстаться.

По закону, дети с первичными именами воспитываются в интернатах до своего четырнадцатилетия, потом принимают женское имя и — кому повезёт — выходят замуж. Одиннадцать лет они должны жить с выбравшими их мужчинами, слушаясь во всём и впитывая различные знания (а мужчина должен обеспечить жене обучение какой-либо специальности, науке или виду искусства). На своё двадцатипятилетие женщина принимает мужское имя и статус, новоявленный мужчина обязан покинуть дом мужа и начать собственное автономное существование, дабы через пять лет привести в свой дом молодую жену. Или же не привести. Это правило вовсе не было таким жёстким, как другое — разрешение на инициализацию обязан выдать муж. Или не выдать. Однако мужчина не имеет никакого права жить с другим мужчиной, за это полагается смертная казнь. И потому женщин, которых отказались отпускать от себя мужья, корректируют, то есть при помощи серии операций превращают в подобие

биологических женщин, существ, от которых давным-давно остались лишь легенды. Скорректированные женщины полностью зависят от своего мужчины, не обладают никакими правами, не имеют даже имени — только искажённое на женский манер мужское, судьба их полностью в руках бывшего мужа, который имеет право повторно жениться и выгнать бывшую жену из дому или оставить при себе на правах служанки. Но бывает и так, что мужчины женятся второй раз только для виду, но при этом продолжают любить свою первую жену, которую отказались отпускать от себя. Миголь часто думала, что она сама — как раз и есть та «видимость». Может быть, она стала такой врединой именно потому, что осознавала истинное положение вещей.

Впрочем, ей и Тране ещё повезло. В конце концов, они обе живут у Старшего Советника, бывшую жену не выкинули на улицу, когда в доме появилась новая. Да и на Миголь мог жениться какой-нибудь клерк, а то и простой фабричный работяга. В интернатах не делали разделений на «элиту» и «жён для низшего класса» — каждый пришедший мужчина был в праве выбрать в жёны и отличницу, и глупую вертихвостку.

Трагедия бедной Лайлы как раз и состояла в том, что, обладая талантом программиста и генного инженера, она оказалась женой обыкновенного попивающего наладчика на автомобильной фабрике. Мелочный мятый мужичонка, судя по рассказам Лайлы, просто тешил своё самолюбие, женившись на таком умном создании, как она, да ещё и выросшем впоследствии в широкоплечего статного парня. С каким мстительным удовольствием он подписывал приказ об обязательной коррекции. Но даже после нескольких операций Лайла не смирилась со своим положением, отказалась от искорёженного имени «Джеймса», оставив документы на имя Лайлы, и сбежала.

Они встретились с Миголь случайно. И нашли друг с другом много общего. Словно тревога и какая-то странная, подсознательная тоска свели этих двух женщин. Это было противозаконно. И, возможно, натравив на Лайлу свору своих бойцовых андрогинов, муж только спас Миголь от позора или даже от казни. Но всё-таки это было жестоко.

Жестоко и держать при себе Трану.

Дурацкие жестокие законы!

Миголь вздохнула, потеребив шёлковое покрывало, на котором лежала.

Трана права. Права в своих тщательно скрываемых презрительных взглядах. Права в своей досаде от того, какая глупая недостойная тварь занимает сейчас ЕЁ место.

Миголь стало стыдно.

С лёгким шорохом разошлись двери из тонированного мутного стекла, и звук отвлек женщину от размышлений. Миголь приподнялась, придержав съехавшую с плеча кружевную бретельку и глядя сияющими глазами на вошедшего мужа.

Клаус Клеменс-Зорге выглядел сейчас не благородным Старшим Советником, а смертельно уставшим учителем младших классов при интернатах — он был какой-то мятый, отрешённый, притихший, с посеревшим лицом и запавшими глазами. Миголь съёжилась и почувствовала себя сущей идиоткой — сейчас мужу будет явно не до её ласк. Каким-то наитием юная женщина догадалась, что случилось что-то ужасное или по крайней мере очень неприятное.

— Здравствуй, — растерянно произнесла она, — Я…я хотела бы извиниться…

— Да, да, — растерянно проговорил мужчина, как будто не видя и не слыша ничего. Стал расстёгивать свой длинный плащ, сильно приталенный и расклешённый книзу, какие обязаны были носить все Советники. Потом принялся снимать причудливую обувь, на которой можно было сделать лишь несколько шагов до машины, лифта, да туда-сюда по просторному кабинету — громадная платформа, увеличивающая рост Старшего Советника до предписанных семи футов. От природы Клаус был невысок, узок в плечах и полноват — абсолютная противоположность того, что делала с ним «форменная одежда». Он всегда снимал её только в спальне, хотя прочую имел обыкновение разбрасывать по всему дому или небрежно сбрасывать на руки прислуге. Миголь кинулась было помогать, но муж остановил её:

— Не нужно, дорогая. Ступай к себе спать. У нас обоих был тяжёлый день.

Миголь замерла в обнимку со скомканным плащом, несуразная в своём эротичном пеньюаре, босая и растерянная. Клаус улёгся на постель, прикрыв глаза рукой, и проговорил:

— Милая, позови Трану. Пусть она сделает мне массаж. Голова раскалывается.

— Да, да, конечно, — негромко ответила Миголь, аккуратно расправив плащ на вешалке и убирая его в шкаф. Потом поставила туда же высоченные ботинки и подобрала небрежно прислонённый к стене мини-ноут мужа. Надо бы выключить да отнести мужу в кабинет. Хотя, в кабинет она не войдёт — не знает пароля доступа.

Пока Миголь искала Трану и сообщала ей желание мужа, а потом отправилась к себе, она всё ещё носила с собой мини-ноут. Решила было отнести обратно в спальню, но… Нет уж, не хочется ИМ мешать…

Миголь уселась на свою широкую кровать, провалившись в мягкие перины, как в облако, поставила мини-ноут на филигранную прикроватную тумбочку и подняла крышку, дабы набрать задание выключения. Несколько других заданий всё ещё активны. Надо отключить, а то может произойти ошибка. Наверняка у мужа большие проблемы, если он позабыл даже выключить мини-ноут и не стал читать моралей или расспрашивать о ночных приключениях. Миголь сказала себе — я просто выключу всё, даже краем глаза не посмотрю на то, что же там открыто…

Но солгала самой себе.

Какие-то дела Министерства, от которых она была далека, куча смутно понятных слов секретного языка, используемого Правительством. Она так толком его и не выучила. Но очередное задание заставило женщину похолодеть.

С чёрного мерцающего экрана на неё смотрело лицо того самого мужчины, который укрыл её от своры хоккеистов и проводил домой. Текст рядом с фотографией гласил:

«Резервуар номер 438780. Отсутствие с 22:67 настоящей даты»

Дальше шли длинные столбцы каких-то непонятных значков, цифр и букв — наверное, какие-то биометрические данные. И завершала всё фраза, от которой Миголь физически ощутила поползший меду лопаток холодок.

«Подлежит ликвидации по нахождении с предварительным извлечением плода».

Женщина сглотнула. Ох, надо же. Как неприятно. Совсем не хотелось, чтобы его уничтожили. Что он такого совершил ужасного?! На террориста или повстанца совсем не похож. И что ещё за «плод», который надо извлечь? Из него извлечь или откуда? Что ж, в ведении Старшего Советника находятся и биолаборатории. Может быть, это сбежал носитель опытного образца какой-нибудь болезни? О ужас! А ведь она с ним общалась! Даже куртку его надевала! Нет, нет, нет, если бы носитель болезни, то население оповестили бы об утечке заразы, ввели бы чрезвычайное положение. Ох, но ведь всё дело произошло ночью. Люди все давно попрятались по домам. А наутро мальчишки, вероятно, уже не будет в живых.

Миголь заволновалась. Не хочется, чтобы он погиб. Совсем-совсем не хочется. Не выглядел он больным! Всё в порядке, она не заразилась. Наверняка очередной секретный эксперимент…

Посидев на постели некоторое время, словно на иголках, Миголь кинулась к своему письменному столу.

Гора красочных тетрадок преимущественно розово-бело-

голубовато-золотых тонов, куча маленьких книжек приторно-романтического содержания или непринуждённо-приключенческие романчики, кассеты и диски, несколько пустых тюбиков из-под помады. Ах. Вот оно! Маленькая плоская «таблетка» — накопитель цифровой информации.

Миголь быстро метнулась к мини-ноуту, скопировала на «таблетку» все сведения о человеке под загадочным наименованием «Резервуар 438780». Потом глубоко вздохнула, аккуратно завершая задание и выключая мини-ноут. Едва опустила крышку, как бросилась к телефону на круглой стеклянной подставке. Пальцы похолодели и слегка дрожали, когда Миголь набирала номер.

— Какого хрееееена? — зевнуло в трубке через несколько десятков длинных трелей.

— Лати, слушай, мне срочно нужна твоя помощь. Просто ОЧЕНЬ СРОЧНО! Дело жизни и смерти! — зашептала Миголь, прижав к уху трубку обеими руками.

— До утра не потерпит? — отозвалось в трубке.

— Нет! Я не шучу! Пожалуйста, ну ты же умница! Ты же можешь помочь! Пожалуйста! Ну пожаааааалуйста!

— Ох, ну ладно, — недовольно прошипело в трубке. Чуть хрипловатый, уже почти возмужавший голос Лати стал более твёрдым — значит, сон согнали окончательно, — Чего там у тебя?

— Надо вычислить координаты одного человека и создать вирт-образ, — и добавила, опережая вопрос, — Биометрики есть.

— Давай их сюды, — буркнула Лати.

Миголь прижала «таблетку» к специальной выемке на трубке. Через пару секунд Лати буркнула всё тем же недовольно-угрюмым тоном:

— Перезвони через десять минут, дам вирт-образ.

В трубке переливчато загудели сигналы разрыва связи. Позднее время и напор Миголь сделали своё дело — не было задано ни одного вопроса. Миголь села обратно на постель и с силой упёрлась ладонями в колени. Кто мог помочь, так это Лати.

Хорошая девчонка, толковая, и вышла замуж удачно — за ведущего программиста при Министерстве, по этой причине их знакомство и даже дружба и стало возможным. Лати схватывала всё на лету, и они со своим мужем даже забавлялись тем, что постоянно подсылали друг другу на мини-ноуты вредоносные программы и на скорость их обезвреживали. Лати была с компьютерами и прочей электроникой даже не на «ты», а на «эй, ты!», слыла довольно замкнутой и аутичной, как и подобает людям её сорта, потому с Миголь, предпочитавшей яркую и пустоцветную жизнь, они редко пересекались в интересах, и Лати

была нужна Миголь сильнее, чем та была нужна ей. Впрочем, просьбы Миголь всегда являлись для Лати сущей ерундой, даже не отнимали сколь-нибудь большое количество времени, зато лишний раз давали возможность попрактиковаться в ремесле программиста.

Едва истекла последняя минута назначенного срока, как Миголь сразу же бросилась к трубке.

— Алло, Лати. Ну как?

— Слушь, ты совсем сбрендила? — послышался полушёпот подруги, — Ты чего это удумала с этим резервуаром? Ты вообще представляешь, куда ты суёшься?

— Но… — Миголь растерялась, — Но ведь его же убьют…

— Да и пусть убивают! А ты сиди тихо и мирно. Вообще забудь об этом человеке! Чёрт. Ещё и меня подставлять вздумала!

— Да в чём дело-то? Никого я не хочу подставлять! — едва не захныкала Миголь, — Я просто хочу его предупредить. Он помог мне сегодня ночью. И я хочу отплатить ему добром.

— Да если бы ты не порылась на мини-ноуте своего муженька, ничего бы не знала, а благодетеля своего забыла бы на следующий день! — продолжала шипеть Лати, как будто боясь, что её кто-то может услышать.

— Вот именно, — проговорила Миголь суровее, — Если бы ничего не знала. Но я узнала. И оставаться в стороне не намерена. А если ты мне не поможешь, то…Ну…То я…

— Ох, и дура же ты! — добродушно прошептала Лати, — Прикладывай давай «таблетку». И если тебе надерут задницу, то я тебе не помогала, ясно?

— Конечно! О чём речь! Никто никогда ничего не узнает! — горячо закивала Миголь, как будто Лати могла увидеть её кивания. После чего приложила «таблетку» к той же выемке. Накопитель нагрелся — значит, информация уже на нём.

— Спасибо! — прошептала в ответ Миголь, радостно улыбаясь, — С меня самый-пресамый навороченный ноут!

— Я такой сама собрать могу, — усмехнулась Лати, — Ладно, пока. Потом всё расскажешь. И только попробуй меня ещё раз разбудить, засранка!

В трубке разлилась продолжительная трель.

Миголь рванулась снова к письменному столу, выудив из ящика пенал с вирт-картой. Включила, настроила на ближнее сканирование. Перед ней развернулась трёхмерная зеленоватая голограмма, точно передающая планировку города. Вздохнув, дабы успокоиться, Миголь прижала таблетку к боковой стенке «пенала», копируя в базу данных карты вирт-образ незнакомца, над которым нависла смертельная угроза. И вот на карте

полыхнула крошечная зелёная точка. Вот он где. Не так далеко от того места, где находится Миголь.

Сон как рукой сняло, хотя время близилось уже к рассвету. Надо скорее добраться до него и помочь покинуть город. А если понадобится, то и колонию — у Правительства длинные руки, оно может достать кого угодно на этой планете. Миголь скинула пеньюар и принялась одеваться с такой скоростью, с которой не одевалась никогда раньше. Проклятый бюстгальтер с силиконовыми вставками никак не хотел застёгиваться, и Миголь с раздражением сорвала его с себя, натягивая футболку на голое тело. Вообще-то, за это могут оштрафовать — женские цвета одежды обязывают носить и бюстгальтер. Но к чёрту! Не до этого сейчас. На ходу впрыгивая в давешние розовые кроссовки, Миголь одной рукой выключала карту, а другой шарила на полках в поисках своей кредитки и магнит-карты от своего байка. И вот, собравшись, вынеслась прочь из комнаты.

По дороге никто не остановил — вероятно, прислуге-андрогинам разрешено было отправиться спать. А из спальни доносились сдерживаемые стоны — вероятно, Трана нашла способ, как снять напряжение своего бывшего мужа.

Миголь неслась бегом к гаражу, проклиная слишком узкие джинсы. Затем влетела в седло, сунув в специальную щель у руля магнит-карту, и сразу же надавила на педаль газа.

Начищенная, вылизанная до блеска машина весёленькой бело-розовой расцветки сорвалась с места мгновенно на третьей скорости. Надо успеть! Надо во что бы то ни стало успеть!

А потом, может быть, появится время для вопросов — за что муженёк хочет уничтожить этого мальчика. И что есть Резервуар. Резервуар для чего?

***

Клаус лежал на спине и курил тонкую тёмно-синюю сигарету, разглядывая предрассветные блики на потолке. Длинная сильная нога Траны вольготно расположилась поперёк его бедёр, а его рука — на её крепком плече. Даже после операции Трана оставалась вполне маскулинной и почти такой, какой её помнил и любил Старший Советник.

— Всё будет хорошо, — прошептала Трана ему в ухо, поглаживая по груди, — Исчезновение одного из Резервуаров — это не твоя вина.

— Отчасти и моя, — Клаус выдохнул сладковато-горький дым и опустил ресницы, — Это очень сильно ударило по моей репутации. Я должен постоянно контролировать качество защиты лабораторий. Это моя главная и прямая обязанность.

— В любом случае, ты вскоре исправишь оплошность, не так

ли? И никто не посмеет тебя упрекнуть.

Клаус промолчал, чувствуя мягкие губы Траны на своей скуле.

Да, оплошность он исправит. Несколько не честными методами.

Как законопослушный гражданин государства и пример для прочих законопослушных граждан, он просто не имел никакого морального права на эти методы.

Если полицию и армию нельзя мобилизовать, а привлечение тайных служб как нельзя красноречивее подтвердят в глазах Правительства его некомпетентность, то можно найти иные выходы. И выходы были найдены. Даже два, для подстраховки друг друга.

Первый — более привычный. Клаус сотни раз привлекал бойцовых андрогинов для выполнения его заданий. Эти маленькие хрупкие с виду существа в бою представляли собой настоящую угрозу даже для отряда правительственного спецназа. Природа словно дарила своим искажённым детищам качества, возвышавшие их над толпой. Мужчины и женщины одновременно, не доживающие и до тридцати лет из-за тяжёлых пороков развития внутренних органов, они всё же превосходили по ловкости, скорости, кровожадности и бесстрашию любого солдата. Если бы андрогинов возможно было создавать искусственно, то Правительство давно отказалось бы от регулярной армии, заменив обыкновенных солдат на изящных тонких существ с полудетскими личиками, телами зрелых людей и нравом голодного хищника. Андрогины появлялись на свет непредсказуемо, как сбой в отлаженном производстве новых жителей колонии. Они не размножались сами, эксперименты по клонированию приводили к появлению совершено нежизнеспособных уродцев. В конце концов, попытки взять под контроль природу андрогинов прекратились. Их не уничтожали, как брак. Каждый Советник держал при себе не только обычных андрогинов, расторопно помогавших слугам по дому или же полностью заменявших их, но и свору специально обученных убийц. Официально использовать бойцовых андрогинов не разрешалось. Но редко какой Советник не прибегал к их помощи в случае, когда надо было устранить какую-либо помеху.

Другим способом были так называемые хоккеисты.

Даже Советники не могли припомнить, откуда они вообще появились, эти жуткие криогенные твари, терроризирующие город по ночам. Справиться с этой напастью пытались, но хоккеистов не так-то легко уничтожить. И тогда Правительство решило пойти с ними на контакт. Взывать к человеческому

разуму было бесполезно — несмотря на сходство с людьми, хоккеисты обладали мышлением диких зверей и вели сходный образ жизни. Но если их удавалось приручить, они проявляли себя как вполне лояльные существа. Гораздо более лояльные, чем андрогинны и уж тем более, чем простые солдаты.

Клаус чуть поёжился, как будто от холода, вспоминая свою встречу с одной из «стай». Едва узнав о пропаже одного из Резервуаров, он немедля отправился в отдалённый район города, в маленький дворик, заваленный хламом. Машину пришлось оставить за поворотом. Слава богу, чёртова церемониальная одежда и обувь тоже остались в машине — никто не знает, что на самом деле в голове у хоккеистов, и не придётся ли удирать со всех ног. В простом костюме и лакированных туфлях, с зачёсанными назад волосами, заметно поредевшими и пострадавшими от краски во времена юности, Старший Советник напоминал скорее какого-нибудь удачливого бизнесмена. Он надеялся, что удача не отвернётся от него и на сей раз.

Впервые он встретился с этой сворой хоккеистов всего несколько дней назад. Пришлось задержаться на одной очень важной встрече, а потом возвращаться домой, срезая повороты. Шофёра пришлось отослать, так как встреча носила не вполне легальный характер. И вот, оказавшись в каком-то захолустном районе, Старший Советник совершенно случайно стал свидетелем охоты, то есть, игры хоккеистов. Слушая отчаянные вопли жертвы, загнанной и кромсаемой титановыми «клюшками», Клаус сидел в машине, боясь пошевелиться. Но хоккеисты его заметили. Не спеша, вальяжно подкатили на своих жутких коньках, и Клаус надавил на газ что было сил. Но вернулся в этот район сегодняшней ночью. Уже с гостинцем для предводителя стаи. Старший Советник шёл неторопливо, но и не крался, боясь пробудить охотничий инстинкт стаи. Он чувствовал их присутствие всей кожей. Они недавно поохотились, но всё равно следят за ним вечно голодными глазами и готовы кинуться в любой момент. Клаус Клеменс-Зорге вступил в промозглую затхлую темень заброшенного дворика. И увидел вожака стаи. Чудовищно громадный Вратарь словно поджидал его в центре своих устрашающих ворот. Белая пластиковая маска казалась его ухмыляющимся лицом. Старший Советник шёл прямо к нему, стараясь не втягивать голову в плечи. Ледяной свёрток, казалось, жжёт руку. Клаус старался держать его на виду. Вратарь догадался, что этот странный человек пришёл в логово неспроста.

Клаус остановился на почтительном расстоянии, медленно положил свёрток на землю и отошёл. Вокруг слышались шорохи, изредка — «вжжжжих». Стая собралась вся, невидимая пока что во

мраке. Либо кинутся по приказу Вратаря и растерзают, либо…

— Я Старший Советник Правительства, Клаус Клеменс-Зорге, — заявил он, — Я пришёл с миром и хотел бы поговорить с вами о сотрудничестве. Спешу заверить, что в случае вашей лояльности вы будете получать только самое лучшее.

Белая пластиковая маска не пошевелилась. Интересно, лицо под ней — так же лишено эмоций?

Потом вдруг Вратарь сдвинулся с места. Он плавно, но стремительно, как идёт снежная лавина, подкатил к замершему Советнику и подобрал свёрток. Стая с интересом зашевелилась, порыкивая и шипя. Вратарь снял свою маску. Красивое лицо. Такое могло быть у обыкновенного парня, если бы не бледность в синеву и что-то вовсе не человеческое, сквозившее в нём и придававшее сходство с хищником. Вратарь внимательно посмотрел в глаза Клаусу, и тот почувствовал, что цепенеет. Но Вратарь не приказал стае нападать. Вместо этого он развернул подношение. Замороженное мясо. Довольно большой кусок. С тоненькими белыми прожилками то ли бескровных вен, то ли сухожилий. Хоккеисты, схоронившиеся в тени, вытягивали шеи и вожделенно принюхивались к мёрзлому сырому запаху. Вратарь тем временем приоткрыл тёмный рот и чуть дохнул на мясо. Оно мгновенно покрылось инеем. Вратарь отломил от него пару кусочков, медленно и словно задумчиво отправив в рот.

— Человечина, — выдохнул он облачком сизого пара, — Откуда у тебя это?

— Не имеет значения, — ответил Старший Советник, — Я могу достать и мозг. Настоящий человеческий мозг. Если вы согласитесь выполнять иногда мои поручения. В моей честности могу вас заверить. Вратарь медленно растянул губы в улыбке, явив почти чёрные дёсны.

— Мясо — это хорошо, — прогудел Вратарь, и стая забубнила в ответ.

— Что тебе нужно? — спросил Вратарь, и приглушённый гомон стих.

— Мне нужно, чтобы один человек прекратил своё существование, — ответил Старший Советник.

Вратарь усмехнулся, возвращая на лицо маску.

***

И вот сейчас он, Клаус Клеменс-Зорге, валяется в постели с бывшей женой, а хоккеисты, скорее всего, уже растерзали сбежавший Резервуар. Завтра ночью стоит навестить стаю и потребовать отчёта. Конечно, немного жаль живое существо, которое всего-навсего хотело свободы. Но его присутствие на свободе чревато очень многим. Проще уничтожить Резервуар, чем

потом решать все проблемы. Жалость — это не профессионально.

Трана посапывала рядом и успокаивала одним своим присутствием. Не то что Миголь. Маленькая взбалмошная сучка. Вечно думает только о себе и совсем не стремится сохранять честь семьи. То свяжется с преступницей, то шляется всю ночь неизвестно где. Вот и пусть ночует у себя в спальне ещё несколько дней. А потом, когда весь сыр-бор с Резервуаром утихнет, девочке, пожалуй, стоит высказать многое и напомнить об истинном её положении в доме Старшего Советника.

Клаус Клеменс-Зорге не мог знать о том, что его юная жена к данному моменту находится уже слишком далеко от дома.

***

Управляя байком одной рукой, Миголь ухитрялась просматривать карту и корректировать свой маршрут в зависимости от перемещений незнакомца. Надо во что бы то ни стало успеть. Наверняка на его след напали и андрогинны муженька, и вышедшие на охоту хоккеисты. Хотя, скоро утро, а хоккеисты не любят солнечного света. Но надеяться на удачу не стоит. Лучше поторопиться.

Миголь вылетела из-за угла как раз в тот момент, когда на удиравшего со всех ног незнакомца навалились маленькие создания, затянутые в чёрную кожу. Всё-таки вынюхали, ищейки! Несколько андрогинов кружили на приземистых байках неподалёку. С воинственным кличем Миголь вломилась в их кольцо, разогнала, раскидала и распинала в стороны кого смогла, схватила за шкирку своего недавнего знакомого и встряхнула.

— Эй, ты как?

Шапка слетела с головы мужчины, пшеничные пряди растрепались и заслоняли лицо, рот был широко открыт и с хрипом хватал воздух. Миголь, пыхтя, втащила мальчишку на седло байка и газанула. Пришлось оттолкнуть ногой подскочившего андрогина. Создание, зашипев, вцепилось было в руль. Подоспели ещё двое, но Миголь резко развернула машину, разбросав врагов её корпусом, и рванула с места, чуть привстав на заднее колесо.

Андрогины мгновенно вскочили на свои байки, и через минуту по пустынному шоссе неслась целая колонна — впереди бело-розовая машина обтекаемой формы, и следом за ней — свора чёрных, покрытых щитками, как скорпионы, байков.

Миголь оглядывалась через плечо. Чёрт. Настигают. Ещё бы! Её машинка не предназначена для гонок. А их байки созданы для того, чтобы настигать жертву. И как назло у неё нет никакого оружия. Андрогины медленно подтягивались, несколько байков шли теперь, что называется, «ноздря в ноздрю». Боковым зрением

Миголь могла видеть, как развеваются по ветру смоляно-чёрные тонкие косички или «конские хвосты» преследователей. На полудетских кукольно-миловидных личиках застыла холодная решимость. Миголь увеличивала скорость как могла. Один из андрогинов медленно вынул из чехла на бедре здоровенный мачете — андрогинны редко выбирают огнестрельное оружие, они предпочитают подходить к жертве на близкое расстояние, вероятно, дабы удостовериться в её гибели. Или же просто любят запах крови…

Но вдруг андрогин чуть нахмурился, взглянув на Миголь. Подал какой-то знак остальным, и колонна постепенно отстала. Миголь судорожно вздохнула. Андрогин узнал её. Значит, эта свора и впрямь принадлежит её муженьку. Интересно, именно эта команда убила Лайлу? Однако сейчас надо думать о других вещах.

Миголь вертела головой по сторонам, отыскивая убежище. Надо перевести дух и решить, куда теперь ехать. Мальчишка силился оставаться в вертикальном положении, но его сгибало от боли. Миголь заволновалась.

— Ты ранен?

— Нет. Всё в порядке, — процедил сквозь зубы спасённый ею беглец.

— Да уж! В порядке! — фыркнула женщина и приостановила байк у стены какого-то дома. Предусмотрительно подальше от каких бы то ни было арок в маленькие тихие дворики.

Несколько секунд царила тишина, нарушаемая лишь напряжённым дыханием «Резервуара». Он буквально висел на руле, низко опустив голову. Миголь почувствовала подступающий страх. Что она будет делать, если это какое-то серьёзное ранение?

— Эй, — прошептала она, осторожно прикоснувшись к плечу мужчины. Тот с усилием распрямился.

— Всё в порядке, я говорю.

И взглянул на Миголь.

— Ой! А я тебя знаю! — вымучил он улыбку сквозь гримасу боли, — Ты сегодня ночью по городу шлялась. Ты тут откуда взялась? Да ещё на байке?

— А что, — Миголь усмехнулась и поправила рукав футболки, занервничав от подобных вопросов, — Лучше было бы не взяться?

— Нет, почему же? Спасибо, что спасла… Эти твари меня всё-таки зацапали, и если б не ты…

— Ну ладно, потом отблагодаришь. А пока что надо найти какое-нибудь убежище да осмотреть тебя.

— Не надо! — резко взвился парень, перейдя почти на

фальцет. Но потом кашлянул, опуская голос, — Не надо, со мной всё в порядке.

— Мда? — недоверчиво прищурилась Миголь, — Ну ладно. Тогда нужно просто где-нибудь дождаться утра. И придумать что-нибудь. Они от тебя не отстанут, тебе сбегать надо из города.

— Не надо мне никуда сбегать! — упрямо заявил мужчина, — Мне наоборот надо оставаться в городе до…определённого момента…

Миголь разглядывала его с интересом, так и подмывало задать все свои вопросы немедленно. Но всему своё время.

— Ну ладно. Тогда пока что давай доберёмся до метро, переждём остаток ночи там. Надеюсь, газ уже выветрился.

— Газ? — переспросил «Резервуар», когда Миголь тронулась с места. Женщина удивилась.

— Ну да. Ты нездешний? Не знаешь ничего про комендантский час, что ли? Неужели его нет где-то в колонии?

— Эм… Да нет, — неуверенно ответил мужчина, — Просто переспрашиваю.

Миголь гнала байк и думала о том, что её спутник что-то скрывает. То есть, думает, что скрывает…

— Как тебя зовут-то? — спросила Миголь, когда в предрассветной дымке среди громад типовых многоэтажек замаячил плоский застеклённый купол станции метро.

— Эмм… Крис, — отозвался «Резервуар» после некоторой заминки.

— А меня Миголь, — представилась ему женщина. Крис чуть повернулся к ней и слабо улыбнулся.

Кажется, андрогины всё-таки ранили его. А вдруг какое-нибудь внутреннее кровотечение? Миголь абсолютно не знала, что следует делать в таких случаях. Однако добить его андрогинам не удастся — пока его защищает жена их непосредственного хозяина.

Но вот байк карамельной расцветки остановился у пока ещё запертых автоматических дверей станции. Поднимающееся солнце ползло золотой и персиково-розовой волной по стенам домов, по глухим ставням и бронированному стеклу небоскрёбов, постепенно разгораясь в окнах. Странно было встречать рассвет на улице. Миголь не могла припомнить такого события за всю свою жизнь.

Но самое главное — успеть сбагрить своего спутника куда подальше из города, пока андрогинны муженька до него не добрались.

— Уффф, ну давай посмотрим, куда тебя дальше, — Миголь вытащила из кармана брюк вирт-карту и включила её, — Мы

можем добраться до аэропорта из этого района вот по этой трассе, я куплю тебе билет куда захочешь, и ты улетишь.

— Но мне надо остаться в городе! — настойчиво повторил мужчина, чуть поморщившись и погладив живот — вероятно, его туда всё-таки ощутимо пнули, — Если хочешь мне помочь, то подбрось вот до этого места…

С этими словами он выудил из кармана своей дутой куртки почти такую же вирт-карту и включил, показывая мерцающую циановую точку.

Миголь сориентировалась по карте.

— Ой, это же практически на другом конце города, ближе к промышленным районам. И зачем тебе туда? Там андрогины тебя снова выловят, уж будь уверен!

— Там мне помогут, — тяжело выдохнул Крис.

Миголь посмотрела на него и полезла расстёгивать куртку.

— Слушай, тебя явно ранили. Дай посмотреть, вдруг что серьёзное?

Парень оттолкнул её с неожиданной силой и резкостью, едва не свалившись с байка.

— Со мной всё в порядке!

— Хм… Ну как хочешь. Я вообще-то просто хотела помочь! — заявила Миголь, надувшись.

— Извини, — пробурчал Крис, — Ну, если и вправду помочь хочешь, то отвези меня сюда.

— Ладно, ладно, только давай сперва дождёмся, пока откроют кафешки какие-нибудь. Лично я проголодалась как зверь!

— Ну хорошо, давай, — несчастным голосом согласился Крис и слегка позеленел. Миголь отнесла это на счёт усталости и страха.

Оставшееся до открытия станции время они провели за вялотекущей беседой. Крис большей частью старался отмолчаться, а Миголь не представляла, с чего можно начать разговор на тему резервуаров. Не спрашивать же прямо, в самом-то деле! В конце концов, юная женщина решила пока просто плыть по течению в надежде, что всё выяснится само собой.

Тем временем метро открылось. А через некоторое время стали появляться первые деловитые горожане, спешащие на работу или по каким-то другим делам. Оставив байк неподалёку от входа, Миголь потащила Криса за собой. В кафе направо от входа в метро в этот час было совсем немноголюдно, и в пищевых автоматах не кончился ещё ни один вид закусок. Проголодавшаяся Миголь уплетала за обе щёки, без умолку тараторя какую-то чепуху, Крис почти не притронулся к пище,

слушал вполуха и выглядел взволнованным.

— Слушай, — Миголь, заметив это, прикоснулась к его запястью, — Ты не переживай, успеем ещё, куда тебе надо. Андрогины тебя не тронут до тех пор, пока я с тобой, а хоккеисты на свету показываться не любят. По правде сказать, не припомню случая, чтобы хоккеистов видели при свете дня…

— Погоди-ка, — перебил её Крис, подозрительно прищурившись, — Это почему же андрогины меня не тронут, пока ТЫ со мной?

— Нууу… эммм… потому что…, - Миголь поняла, что сморозила глупость. Вряд ли Криса обрадует тот факт, что она является официальной женой человека, который заинтересован в его смерти. Впрочем, Крис и так уже понял, что что-то тут не чисто.

— Кто ты вообще такая?! — парень вскочил, едва не опрокинув стул.

— Ты только не волнуйся, — примирительно подняла руки Миголь, — Я твой друг, я тебе зла не желаю…

— А откуда мне знать, так ли это на самом деле?! — продолжал орать Крис, — Андрогины тебя слушаются, да и как ты могла меня выследить?! Насколько мне известно, вот для этого, — он остервенело ткнул женщине под нос вирт-карту, — Нужны биометрики!

Потом он опустил голос до свистящего шёпота:

— Откуда у тебя мои биометрические данные?

Миголь растерялась, размышляя, стоит ли быстренько выдумать какую-нибудь небылицу, или же нужно рассказать правду. Но как отнесётся Крис к такой правде? И Миголь решила солгать.

— Я взломала правительственную базу данных, — таинственным шёпотом произнесла она.

Крис некоторое время продолжал смотреть на неё с недоверием. Потом оглянулся по сторонам и прошептал одними губами:

— Ты из сопротивления?

Миголь сглотнула и осторожно кивнула.

— Хм… — Крис медленно сел обратно, — Что ж, тогда это многое объясняет. Только не понятно, почему ж всё-таки тебя андрогины не тронули. Ну…ладно. Неважно. Прости уж…

Некоторое время между ними висело неловкое молчание. Потом Миголь поднялась и проговорила:

— Ну…пошли что ли. Куда там тебе было надо?

— А ты что, не знаешь, где расположена база? — в голосе Криса опять проступили ноки недоверия.

— Ах, да, точно, база! — Миголь хлопнула себя по лбу, быстро сообразив, что та циановая точка на карте и есть база.

Когда они вышли из станции метро, их ждал неприятный сюрприз. Рядом с байком крутилось несколько давешних андрогинов. Миголь и Крис замерли.

— Госпожа Миголь, — произнёс звонким дискантом один из андрогинов, выступив вперёд, — Вы не должны мешать нам. Убедительно советуем вам отойти от резервуара и не мешать нам выполнять нашу работу. В противном случае вы пострадаете…

— Госпожа? — прошептал Крис, а потом отшатнулся обратно к дверям, — Ты ни из какого не из сопротивления!

С этими словами он рванулся обратно на станцию. Андрогины молча ринулись за ним, растолкав нескольких замешкавшихся горожан, а Миголь, недолго думая, ловко подсекла подножкой нескольких преследователей и бросилась вдогонку за Крисом. Пробиваясь сквозь густеющую толпу спешащих по своим делам пассажиров, Крис и Миголь неслись вниз по эскалатору. Чёрная стайка андрогинов не отставала ни на шаг. Спрыгнув с последних ступенек, оба беглеца, едва не поскользнувшись на повороте, влетели в уже закрывающиеся двери поезда. Андрогины не успели. Придавленные другими людьми, прижатые друг к другу, Крис и Миголь пока могли только тяжело дышать и смотреть друг на друга. Миголь — растерянно и виновато, Крис — сердито.

— Слушай, я правда тебе не враг! — попыталась было оправдаться Миголь, но Крис перебил:

— Извини, больше не верю. Повстанка, а! Хех…

Миголь умолкла, потупив глаза.

— Просто я подумала, что за добро платят добром. Ты мне тогда помог…

— …Чтобы ты не навела на меня хоккеистов, — огрызнулся Крис, — Так что я скорее о себе забочусь. В общем так, карамелька, ты выходишь на следующей станции и забываешь о моём существовании, поняла?

Миголь хотела было ответить что-то, но вдруг поезд снизил скорость и со скрежетом затормозил, несколько раз качнувшись из стороны в сторону. Пассажиры зароптали, а Крис резко вскинул голову, повертев ею по сторонам, как будто выискивая что-то на потолке. Вдруг за стеклянными дверями замелькали тени. Пассажиры с интересом и настороженностью загалдели. Кто-то связался с машинистом, но ответа не последовало.

— Чёрт… — выдохнул Крис и рванулся по вагону к двери в тамбур. И в ту же секунду двери разъехались в стороны, и в вагон юркнуло несколько миниатюрных тонких тел, затянутых в чёрную

одежду. Миголь взвизгнула, пассажиры зашумели, и в общей толкучке Крису удалось скрыться в следующем вагоне.

— Оставьте его в покое! — заголосила Миголь, рванувшись следом за ним и преследовавшими его андрогинами.

Гонка продолжалась несколько минут — по сторонам мелькали изумлённые или возмущённые лица, чёрные застеклённые окна и жидкокристаллические экраны, транслирующие рекламу — но вот Крис вломился в кабину машиниста. В лицо ударил затхлый запах тоннелей — подржавевшая проводка, старый камень, пыль, сырость. Лобовое стекло, необычайно прочное, было всё-таки разбито. А сам машинист лежал ничком на приборной панели, и из его уха текла тонкая струйка крови. Крис замер, затравленно оглядываясь. И в следующую секунду сиганул в дыру, едва не покатившись кубарем по моно-рельсу. Прыжок дался ему тяжко — он зажмурился и согнулся, неловко пытаясь отползти и приподняться. Андрогины лёгкой стайкой последовали за ним. Но тут им на головы с визгом свалилась Миголь. Кое-как растолкав маленьких противников в стороны, она схватила Криса за руку и поволокла за собой, пока тот не поднялся на ноги и не смог бежать самостоятельно. Андрогины бросились вдогонку. В тишине тоннеля раздавалось лишь низкое гудение тусклых ламп, топот множества ног и едва слышалось эхо проносящихся по соседним тоннелям поездов.

Двое беглецов и толпа преследователей, едва достигавших своим небольшим росточком плеча будущих жертв, неслась вперёд, оскальзываясь на рельсе и то и дело хлюпая по лужам скопившейся в выбоинах мутной воды, и вот все очутились в широком тоннеле, в котором сходилось несколько линий. Миголь и Крис замерли, завертев головами по сторонам. В любую секунду из любого тоннеля мог вылететь поезд. Андрогины, впрочем, вынырнули из темноты гораздо быстрее.

— Туда! — крикнул Крис, схватив Миголь за руку и бросившись вперёд. Справа мелькнул ярко-белый свет фар и раздался предупреждающий гудок. И в следующую секунду большую часть отряда андрогинов отрезал от беглецов появившийся поезд. Впрочем, нескольких всё же затянуло сильным порывом воздуха под него, а трое или четверо успели перепрыгнуть монорельс и продолжить преследование.

Крис тяжело дышал, и Миголь с опаской поглядывала на него, мельком успевая оглянуться на приближающихся преследователей. И вдруг заметила низенькую дверцу, запертую на немудрящий засов — вероятно, какой-то лаз для техников. Отпереть дверцу не составило труда, но это действие убило

несколько драгоценных секунд. Кроме того, в низеньком тоннеле двоим беглецам пришлось передвигаться, сильно пригнувшись, в то время как невысокие андрогины даже не сбавили скорости. Миголь тяжко сглотнула, с усилием протиснув почти бесчувственного Криса вперёд себя — андрогины не ударят ей в спину.

— Госпожа Миголь, вы должны отдать нам резервуар! Вы предаёте своего мужа!

— Да-да, — прошипела себе под нос юная женщина, продолжая подталкивать Криса в спину.

Странно. Чем дальше они двигаются, тем холодней становится, хотя в метро не должно быть никаких рефрижераторов. Что за чертовщина?

Едва они с Крисом выбрались из узкого лаза, как немедленно поскользнулись на гладком льду. Весьма кстати для андрогинов. Но те не нападали, а замерли чуть поодаль и едва слышно зарычали. Миголь подняла голову и разглядела причину подобного их поведения. И тихонько взвизгнула.

На неё сверху смотрело несколько иссиня-белых лиц с чёрными провалами глаз, в глубине которых мерцал ярко-циановый огонёк. Хоккеисты. Целая стая. Эти не будут церемониться. Конечно, если они не прикормлены её находчивым муженьком. Но второй раз подобная удача вряд ли может выпасть. Поэтому Миголь судорожно завертела головой по сторонам в поисках выхода. Позади — андрогины, впереди хоккеисты, наверняка голодные как всегда, справа и слева — темнота, в которой поблескивают какие-то здоровенные железные цистерны, покрытые инеем и издающие едва заметное низкое гудение. Неужели они случайно оказались в так называемой норе? Именно отсюда должны вести наверх, в неприметный заброшенный дворик какие-нибудь ходы.

— Хм… Как кстати! Свежее мясо… — послышался низкий хрипловатый голос. В следующую секунду с леденящим кровь «вжжжих-вжжжих» из темноты выступила громадная фигура Вратаря. Миголь быстро поднялась на ноги, потащив за собой и Криса. Тот самый Вратарь или нет? Тот самый или нет?

— Это наша добыча! — зашипел один из андрогинов, выскочив из тени, прочие последовали за своим предводителем, но взметнулась клюшка с изогнутым титановым лезвием, и все андрогины оказались обезглавлены (а один и вовсе разрублен пополам в районе талии) в треть секунды. Вратарь снял маску и медленно облизнул окровавленную клюшку.

Миголь попятилась, изо всех сил вцепившись в рукав Криса. Это не тот Вратарь. Это какой-то другой. У этого подбородок

скошен и какой-то кожаный нарост или шрам на левой щеке. Этой стае плевать, что она — жена Старшего Советника…

— А теперь — игра! — прошипел Вратарь, плотоядно осклабившись. Его выводок молча рванулся на замерших Криса и Миголь.

Женщина зажмурилась и завизжала.

Но ледяная сталь не распорола её тела. Послышался страшный лязг, рычание и подвывание, приближающееся «вжжжих-вжжжих» откуда-то справа. Миголь решилась раскрыть глаза.

Другая стая хоккеистов! Они вылетели из темноты и молча навалились на хозяев здешней территории. При желании их можно было даже различить, ведь каждый Вратарь создаёт свою стаю по своему образу и подобию. Подоспевшие чем-то неуловимо напоминали того темноглазого Вратаря, похожего на статую. Местные же все были слегка перекошенными, сутулыми, да и в большинстве своём не в майках, а в каких-то кожаных ошмётках, скрепленных проволокой.

Миголь и Крис оказались в центре жуткой баталии. Их била крупная дрожь от холода, заполнившего «нору». То и дело над головой или рядом со щекой мелькали остро отточенные лезвия ужасных клюшек. Несколько хоккеистов уже ранили друг друга. Из чего же делаются эти лезвия, рассекающие кожу, которую не берут даже пули?!

Но вот из темноты выступил Вратарь, которого прикормил муж Миголь. Он появился как нельзя кстати со своим выводком…

— Это наша добыча, — низко и без интонации прогудел он из-под белой пластиковой маски.

— Чёрта с два! — хрипло огрызнулся хозяин территории, брызнув тёмной и вязкой, как мазут, слюной, и надел свою маску — грязно-кремовую, погнутую в нескольких местах, — Играем!

Роль «шайбы» в этом «матче» Миголь совершенно не устраивала, и она потихоньку отползла в сторону, утаскивая безропотного Криса.

Никто не знает, чем могла бы обернуться эта игра, и которой стае достались бы двое беглецов. Миголь довольно быстро обнаружила заледеневший подъём без ступеней, изрытый коньками — ход наверх. Оскальзываясь, волоча за собой Криса, который совершенно искренне старался двигаться самостоятельно, а не быть грузом, Миголь продвигалась вперёд, всё выше и выше. Далеко наверху уже забрезжил свет. Они почти выбрались!

Но вдруг позади раздалось рычание и лязг коньков. Даже не хотелось проверять, какая команда выиграла. Только вперёд. А

они там пусть изрежут друг дружку на ровные ломтики!

И вот — заржавленная металлическая дверь, в щель из-под которой проникает яркий дневной свет. Крис с силой навалился на неё, но отпереть не смог. Миголь помогла, и дверь с оглушительным ржавым скрипом медленно отворилась. Двое беглецов выбрались в солнечный дворик, заваленный какими-то коробками, мотками ржавой проволоки, остовами когда-то угнанных машин, дырявыми шинами. Быстро обнаружив низенькую арку, Миголь, судорожно глотая тёплый воздух, потащила Криса за собой. Впрочем, тот уже достаточно пришёл в себя, чтобы передвигаться самостоятельно. Хотя то и дело норовил согнуться и схватиться за живот.

— Быстрее! Мы почти оторвались! — задыхалась на бегу Миголь.

Позади слышался шорох коньков. Оглядываться некогда.

Миголь вылетела из дворика, в два скачка оказавшись на дороге, и замахала руками надвигающейся машине. Водитель резко затормозил и высунулся из окна.

— Дура! Жить надоело?!

Миголь как ни в чём ни бывало подскочила к машине, пихнула на заднее сидение Криса, сама плюхнулась на переднее и заявила, сунув кредитку в специальную щель у руля:

— Я жена Старшего Советника. Трогай скорее!

На маленьком табло высветилась сумма, которую только что перевела на счёт водителя Миголь, и которая заставила того мгновенно сменить гнев на милость и броситься выполнять приказание.

— Куда госпоже угодно? — осведомился водитель.

— Пока вперёд и как можно быстрее! — Миголь опасливо покосилась на арку, из которой уже выкатились на своих гусеничных коньках несколько хоккеистов. От яркого солнца кожа на их бледных лицах местами потемнела и стала шелушиться, словно горящая бумага.

Водитель заметил преследователей и, грязно выругавшись, надавил на педаль газа что было сил.

Хоккеисты стремительно удалялись, пока не отстали совсем. Хотя, следует больше благодарить солнце, чем водителя — для хоккеистов никогда не было проблемой догнать подобную тарантайку.

Миголь перевела дыхание и развалилась в кресле поудобнее, проигнорировав ремень безопасности. Затем она достала свою вирт-карту и указала место назначения.

Водитель некоторое время что-то бурчал себе под нос, раздумывая, как лучше выехать на нужную трассу, и вот, наконец,

повернул машину куда следует. Миголь расслабилась и улыбнулась. А всё-таки она молодец! Сумела сбежать и от андрогинов, и от хоккеистов (причём, от последних — целых два раза, просто немыслимо!)

Некоторое время ехали молча, водитель старался даже не смотреть лишний раз в сторону сидящей рядом Миголь. Мало ли, какие дела творятся. Похоже, юная жёнушка Старшего Советника завела себе любовника, а на подобные вещи простым смертным благоразумнее всего закрывать глаза. Хотя, что странно — этот мужчина находится в том возрасте, когда жители колонии ещё являются женщинами. Но при этом он выглядит как мужчина. Ох, не чисто тут дело. Совсем не чисто.

Крис долгое время молчал. И вот, когда по сторонам всё чаще стали мелькать промышленные постройки, трубы заводов и покосившиеся бараки для низших рабочих, он подал голос:

— Миголь, дальше мне спутники не нужны.

Миголь оглянулась и смерила своего попутчика внимательным взглядом. А выглядел тот не самым лучшим образом — бледный до лёгкого зеленоватого оттенка, согнувшийся и даже с виду очень слабый.

— Ты точно уверен, что попутчики тебе не нужны? — скептически поморщилась Миголь.

Крис не ответил, а только кивнул, зажмурившись и обхватив живот руками.

— Эммм… Госпожа, — подал голос водитель, — Я… я пожалуй соглашусь с ним. Тут нехорошие места, многое рассказывают. Может быть, стоит высадить молодого господина? А вас я доставлю куда пожелаете со скоростью ветра!

— Ну вот ещё! — в Миголь проснулось привычное упрямство, — Чтобы он тут завалился где-нибудь? И потом, после хоккеистов мне вообще ничего не страшно. Что тут может быть такого?

— Миголь! — сурово начал было Крис, но вдруг голос его сбился, и он согнулся в три погибели, охнув от боли, — О боже… Остановите машину! Мне надо выйти!

Водитель растерянно оглянулся по сторонам. Кругом — полуразрушенные стены, завалы кирпича, остовы не достроенных цехов, торчащие из земли трубы. Разбитая дорога, точнее, не слишком плотно пригнанные друг к другу железобетонные плиты, уходит в пыльное марево. Более-менее цивилизованный мир остался позади ещё минут сорок назад.

— Ну и куда ты тут собрался выходить? — сурово нахмурилась Миголь, — Нет уж, сиди. Мы почти приехали. Я так думаю, надо завернуть вон за ту постройку, и будет твоё место

назначения, так?

Крис не ответил, а только застонал и пискнул от боли совсем по-девчоночьи.

— Госпожа, я дальше не поеду! — с неожиданной решительностью заявил водитель.

— Я приплачу ещё, — не менее решительно заявила Миголь, но вдруг заметила какое-то шевеление на руинах. И поняла причину беспокойства водителя — то тут, то там на каменных стенах поднимались какие-то лохматые несуразные фигуры. Люди? Или какая-нибудь очередная урбанистическая нечисть? А может быть, самые настоящие мутанты? Судя по всему, в этой части города вполне могли не слишком тщательно утилизировать какие-нибудь токсические отходы. А может, где-то тут под землёй секретная лаборатория, в которой для неизвестных целей выводят всяческих уродов…

— Мне… надо… выйти… — прохрипел Крис, вываливаясь из машины.

— Стой! Куда! — Миголь попыталась было затащить его обратно.

— Госпожа, пусть он выходит куда хочет! — взмолился водитель, вертя головой по сторонам, — А мы уедем, а?

— Вот уж нет! Тогда я тоже остаюсь! — Миголь выбралась из машины и громко бабахнула дверью. Прежде чем до неё дошло, какую глупость она совершила, машина, визжа шинами по железобетону и подняв тучи пыли, резко сдала назад и исчезла из поля зрения.

Миголь села на корточки рядом с корчащимся Крисом, обняла его за плечи и с растущим в душе беспокойством стала оглядываться по сторонам, пытаясь понять, насколько опасны приближающиеся существа.

— Не трогайте нас! — крикнула она, когда их обступили пыльные, увешанные тряпками, рваньём и кусками промышленного мусора, существа. Лица их скрывали противогазы. А в руках они сжимали вовсе не дубины и копья. Кажется, подобные винтовки одно время были даже на вооружении правительственных войск и полиции. Миголь собралась было выкрикнуть, что она — жена Старшего Советника, но так и замерла с приоткрытым ртом — одно из существ протянуло к ним руку, бережно потрепав Криса по плечу. Из-под противогаза послышался приглушённый голос. Совершенно обычный мужской голос:

— Ты в порядке?

Крис быстро закивал, с силой жмурясь, и хрипло выдавил сквозь зубы:

— Ой, только не надолго…

— Быстро! В лазарет! — распорядился, судя по всему, предводитель этой странной братии.

Несколько людей, напоминавших скорее гору мусора, подхватили Криса под руки и очень проворно увели куда-то.

— А ты кто? — тонированное стекло, скрывавшее глаза незнакомца, обратилось к Миголь и сверкнуло на солнце.

— Я…Я… я ему помогла! — заявила Миголь.

Люди-мусор переглянулись между собой, пошептались. И предводитель распорядился:

— Тогда и его на базу. Живо! Наверняка их выследили.

Миголь гордо вырвала свои локти из цепких пыльных лап и пошла самостоятельно, куда указывали. Однако у какой-то разрушенной стены ей ловко надели на глаза плотную чёрную повязку. Юная женщина начала смутно догадываться, кем являются все эти люди.

Её довольно продолжительное время вели куда-то, то спускаясь по ступеням, то гулко стуча ботинками по жестяному полу. Слышалось гудение каких-то приборов и уханье гигантских вентиляторов. Потом Миголь оказалась в лифте, который буквально рухнул вниз. И женщина поняла, что оказалась глубоко под землёй. Крис говорил что-то о базе. Неужели самая настоящая база повстанцев?…

— Стой, — раздался над ухом уже знакомый голос. Миголь замерла. С её глаз сняли повязку, и юная женщина не смогла сдержать изумлённого вздоха — она стояла посреди помещения с довольно высоким потолком, сплошь уставленного мониторами и какими-то приспособлениями, напоминающими ноуты. Туда-сюда сновали люди в затёртой одежде, ходило несколько вооружённых мужчин в тех самых «мусорных» плащах, которые позволяли сливаться с пейзажем разрушенных заводов. Но больше всего Миголь поразило то, что среди повстанцев (а теперь она была уверена, что оказалась на базе повстанцев) встречаются и скорректированные женщины. Причём, скорректированные на удивление качественно — не отличить от канонических картинок в старинной литературе.

— Что ж, добро пожаловать, госпожа жена Старшего Советника…

Миголь дёрнулась и посмотрела на предводителя повстанцев, обратившегося к ней.

Он уже снял противогаз и скинул свой маскировочный плащ. Он оказался щуплым невысоким человеком среднего возраста, с удивительно лучистыми светло-серыми глазами.

— Откуда вы знаете… — прошептала Миголь, удивлённо

хлопнув ресницами, но предводитель повстанцев перебил её:

— Установить вашу личность не составило труда. Даже без биометриков. Что ж, раз уж вы здесь, позвольте представиться. Кайл Доутли. Если вас интересует больше, думаю, нам надо найти для разговора более удобное место.

Миголь с готовностью закивала. Вопросы теснились в голове так плотно, что, казалось, вот-вот разорвут её череп в клочья.

Кайл Доутли едва заметно улыбнулся и жестом пригласил Миголь следовать за ним.

Они преодолели большой зал, прошли по узкому коридору с множеством дверей, и вот, наконец, оказались небольшом кабинете, служившем, судя по всему, сразу и спальней, и кухней. Крошечная низенькая каморка с лежанкой, письменным столом и железной печкой, работающей на угле. Со всем этим дико сочетался ноут, стоявший на столе.

— Присаживайтесь, — Кайл указал Миголь на койку, так как сесть было в принципе больше некуда. Сам же он опустился на стул перед столом и повернулся к замершей гостье.

— Думаю, сперва будет целесообразней выслушать ваши вопросы, — начал он, сложив на груди руки, — Чтобы знать, в какую сторону лучше сворачивать нашу беседу. Итак, что вас интересует?

— Вы повстанцы? — выпалила Миголь единым духом. Кайл улыбнулся на удивление приятной улыбкой, хохотнул.

— Ну, в какой-то степени может быть и да. Но все эти взрывы в метро и прочее мелкое пакостничество — не наших рук дело. Мы не имеем совершенно ничего общего с теми, кто это творит. И уж конечно же не имеем ничего против населения.

— А против правительства? — сразу же задала новый вопрос Миголь. На сей раз Кайл ответил не сразу. Он пару секунд смотрел в пол, чуть нахмурившись. А потом поднял глаза на свою собеседницу.

— Прежде чем ответить, хотелось бы узнать, что конкретно вы подразумеваете под этой фразой — «против правительства»?

— Нууу… эммм… — Миголь слегка растерялась. И Кайл заговорил:

— Мы не хотим свергнуть правительство. Нам не нужна власть. Нам не нужно развязывать войну внутри этой колонии или между нею и колониями в ближайшем космосе, дабы нагреть руки на войне. Мы лишь хотим, чтобы люди узнали, наконец, правду. Осознал её. Смогли жить так, как должны жить по природе своей. Скажите, это считается «против правительства»?

— Я… я не совсем понимаю… — осторожно проговорила Миголь.

— Что ж, в таком случае, если у вас кончились вопросы, то настало время объяснить вам кое-что.

Миголь кивнула, превратившись в само внимание. Кажется, сейчас ей сообщат нечто такое, от чего весь её привычный мир встанет с ног на голову.

— Итак, начнём с того, что вы и сами вполне осознаёте. Вы никакая не женщина. Вы мужчина.

— Почему это я не женщина?! — возмутилась Миголь, — Мне ещё нет двадцати пяти лет!

— Я имею в виду, что вы не биологическая женщина, — мягко улыбнулся Кайл, — Для вас, как и для всех жителей этой колонии слово «женщина» является не обозначением пола, а обозначением определённого статуса. Или же возрастного периода. Это как слова «ребёнок», «подросток», «старик», а также слова «жена», «подчинённый», «ученик».

— Эм… А что такое «пол»? — спросила Миголь.

— Это как раз то, что мы и хотим донести до людей, — значительным полушёпотом произнёс Кайл, слегка наклонившись к Миголь, — Пол — это то, что было создано миллиарды лет назад самой природой, и то, что нынешнее правительство в этой отдельно взятой колонии пытается стереть из сознания людей… Вот как вы думаете, каким образом происходит размножение? Как пополняется население колонии?

— Ну… — Миголь вспомнила курс начального обучения ещё в интернате, и заладила заученным тоном, — По достижении индивидуумом двадцати пяти лет он проходит определённый тест, который показывает, нет ли у вышеозначенного индивидуума каких-либо генетических или прочих отклонений, способные негативно сказаться на его потомстве, и если таковых не имеется, индивидуум получает право на размножение. У него берётся определённое количество семени, из которого потом в биологических лабораториях синтезируются новые индивидуумы.

— Хм, — Кайл улыбнулся, — По-вашему, так было всегда? Всё время существования человечества?

— Эм… — Миголь замялась, припоминая на сей раз уроки истории, — Вообще-то, кажется, нет. В далёком прошлом, когда не было репродуктивных лабораторий, люди размножались каким-то иным способом, в котором зачем-то были нужны биологические женщины…

— У вас наверняка по истории была не самая высокая оценка? — Кайл улыбнулся ласковой отеческой улыбкой, от которой в уголках его глаз собрались морщинки, — Но ваша память вас не подводит. В далёком прошлом действительно для полноценного размножения требовались женщины… Как вы

совершенно правильно уточнили, БИОЛОГИЧЕСКИЕ женщины. У вас есть какие-нибудь идеи, куда могла деться добрая половина человечества? По сути, большая его половина? Куда пропали биологические женщины?

— Кажется, была какая-то болезнь, — наморщила лоб Миголь.

— Не совсем, — проговорил Кайл, — На самом деле, история эта довольно длинна. Сейчас уже и невозможно с точностью больше чем в пару веков восстановить последовательность событий. Но вы должны были слышать о Пыльной Войне.

Миголь кивнула. Что-то такое она припоминала. Из области «давным-давно, в тридесятом царстве».

Но более полной информацией Миголь не располагала.

— Так вот, именно Пыльная Война и стала той границей, по одну сторону которой остался мир, где мужчины жили с женщинами по законам природы, а по другую сторону оказался тот мир, в котором живём мы с вами… Предположительно в двадцать третьем веке от Рождества Христова было найдено средство против старения. Человеческая жизнь — точнее, период молодости (а, значит, репродуктивного возраста) — несказанно увеличился. Планета, которая некогда называлась Землёй, а ныне — Материнской Планетой, оказалась страшно перенаселена. Последовал ряд экологических катастроф, ресурсы истощились, и вот грянула самая страшная война в истории, в которой человечество неминуемо должно было погибнуть. Но оно выжило. На развалинах старой цивилизации возникла новая, утратив многое из культурного и научного наследия своей предшественницы. Теперь сложно сказать, сколько десятилетий или веков продолжались «тёмные времена», отличимые от каменного века только тем, что вместо дубин использовались винтовки и электрошокеры, производимые людьми, отношение к которым больше всего напоминало отношение к колдунам в далёком прошлом. Как бы то ни было, атомную зиму люди сумели пережить, сумели приспособиться и к существованию в условиях неизлечимой болезни, которая была эхом применения биологического оружия во время Пыльной Войны. Позже в поисках нового, лучшего дома люди стали путешествовать по просторам Вселенной — благо, к тому времени уже повсеместно использовались порталы, прорезавшие пространство и время, словно брошенный камень — толщу воды.

Пригодные к жизни планеты были найдены довольно быстро. Но эти дикие миры предстояло укрощать. Первые колонизаторы должны были быть скорее хорошими воинами, чем простыми людьми. Тем более что даже под угрозой полного вымирания,

разные «Боссы» продолжали грызться за лучший кусок новой, чистой земли. Колонии долгое время воевали между собой, и даже внутри колоний постоянно происходили кровопролитные стычки. Пыльная Война и жестокое время, последовавшее после неё, погубили огромное количество населения — преимущественно мужского — и вот опять потребовались солдаты. Женщины вполне способны были заменить мужчин, но вымирающее человечество берегло женщин — единственных, кто мог сохранять вид Homo Sapiens — и не позволяло им гибнуть в войнах. Проблему же воспроизводства мужского населения удалось решить довольно быстро. Генная инженерия и клонирование позволили увеличить число мужчин настолько, что их стало достаточно и для войн, и для освоения новых колоний. Но вот наступило время, когда воевать больше стало незачем. Конечно, стычки и вооруженные конфликты всё ещё случались, и кое-где в отдалённых колониях война идёт до сих пор, но всё же человечество, наконец, утихомирилось. И ужаснулось, когда стало ясно, что природа отыгралась за все эксперименты с генами и хромосомами — биология вида перестроилась таким образом, что любой плод должен был неминуемо сформироваться в особь мужского пола. Мальчиков продолжало рождаться гораздо больше, чем девочек, уже без помощи генных инженеров. Кое-как удалось справиться с проблемой рождения двойняшек и тройняшек — что являлось обычным делом в прошлом. Но теперь пришлось искусственно создавать женщин, меняя хромосомный набор плода на ранних этапах развития. Получившиеся женщины очень часто оказывались бесплодными или попросту очень болезненными, но всё же они были женщинами. Более выгодной альтернативой клонирования.

Женщин было очень мало. Способных к деторождению — и того меньше. В большинстве колоний они ценились на вес золота. Их берегли, стараясь не изнашивать их организм постоянной беременностью и родами. Да и не все мужчины получали право на размножение. За века человечество привыкло к новым правилам существования — женщины являлись строго и узко специализированным средством поддержания существования вида, а мужчины научились обходиться без женской любви. Природа искала лазейки, находила их в транссексуализме, гомосексуальных отношениях, играх «в женщин», в которые всю жизнь играете вы, играл ваш муж и будут играть ещё долгое время все жители этой колонии. Подобные компромиссы с древнейшим инстинктом стали привычными и абсолютно нормальными. Теперь уже никто не может представить мира, в котором мужчина мог бы строить отношения с женщиной, любить

её, создавать семью, растить вместе с нею своих детей. Мира, в котором женщины могли бы активно действовать наравне с мужчинами, а не просто почивать на лаврах Богинь Плодородия.

Миголь не могла представить такого мира. Когда Кайл закончил свой рассказ, она некоторое время сидела молча и неподвижно, немного придавленная свалившейся на неё информацией.

— Почему же человечество пошло по тому пути развития, который привёл его к нынешнему положению вещей? — обратился Кайл к Миголь, хотя скорее вопрос его был риторическим, — Почему в тех же лабораторных условиях не создают биологических женщин в достаточном количестве? Всего лишь небольшая хромосомная корректировка на ранних этапах внутриутробного развития плода — и человечество жило бы сейчас так, как оно жило многие века назад, в соответствии со своей природой. Слово «пол» не вызывало бы у вас недоумения, слово «женщина» не обозначало бы социальный статус и возрастной период, такие слова как «юноша», «девушка», «мать», «брат», «сын», «дочь» и многие другие не исчезли бы из обихода и сознания. И огромное количество средств не уходило бы на поддержание функционирования репродуктивных лабораторий.

— Наверное, на это есть какие-то причины… — решилась ответить Миголь.

Она растерянно посмотрела в глаза Кайлу.

— Биологические женщины существуют. На самом деле и до сих пор, — неожиданно заявил тот в воцарившейся тишине.

— Да? — глуповато спросила Миголь, смутившись собственного изумления. Разве им не вбивали в голову, что биологические женщины вымерли давным-давно, как динозавры или мамонты?

— Чёрт, — буркнула Миголь баском, забыв привычно смодулировать голос, — Но тогда почему биологических женщин никто никогда не видел?

— Вы уверены? — Кайл прищурил глаз, — Биологические женщины преспокойно существуют себе в других колониях.

— В других колониях? Но разве эта не единственная выжившая? — Миголь снова оказалась крайне удивлена.

— Конечно же, не единственная. Только более закрытая, чем все прочие. Автономная даже от Материнской Планеты, — кивнул Кайл, — Однако и в этой колонии биологические женщины тоже существуют. Например, вы их точно видели. Среди нас, на этой базе, есть определённое количество биологических женщин. Да и работники репродуктивных лабораторий видят их почти каждый день. Только называют по-другому. Резервуарами. И даже сами

женщины уверены в том, что они — какой-то вид био-роботов, созданных исключительно для инкубации зародышей, вынашивания и произведения на свет новых… хм… индивидуумов. Но те, кому удалось сбежать — не без нашей помощи — знают правду. И знают, кто они.

— Женщины? Резервуары? — прошептала Миголь пересохшими губами.

— Да. Резервуары. Вы помогли одному из них. То есть, одной. Именно поэтому мы оставили вам жизнь, хотя с вашим социальным положением вы являетесь весьма опасным врагом для нас. Хотя, это странно, что вы не догадались, кто она на самом деле.

— Крис? — Миголь потерянно посмотрела на Кайла.

— Ну, если она вам так представилась, — кивнул он, — Вообще-то, их нумеруют. Им не дают имена. Признаться, с этой женщиной мы едва не погорели. Мы готовили её побег, как оказалось, слишком долго. Её успели оплодотворить. Бедняжка, в её положении носиться по всему мегаполису… Мы благодарны вам за помощь ей. Видите ли, Крис очень важна. Она знала немного больше остальных… резервуаров, так как её из-за особенно хорошей генетики использовали в основном для репродукции людей из высших слоёв общества. К ней и отношение было другое, и доступ к ресурсам Сети у неё был фактический неограниченный. Тем более, никто не препятствовал её самообучению и поиску информации. Считается, что «резервуары» не могут накопать что-то нежелательное или даже опасное, ибо они ничем не интересуются, и у них не возникает никаких вопросов самоидентификации. Они вполне довольны положением вещей и не бунтуют против устоявшегося порядка. Но Крис у нас оказалась умницей. Она сумела обойти ограничения по выходу в информационное поле, сама нас нашла, она хотела разобраться, выяснить правду. Она понимала, что никаким био-роботом не является ни она, ни кто-либо из прочих «резервуаров». Кроме того, она выяснила, что на других колониях биологические женщины тоже существуют. И там все прекрасно знают, кем они являются на самом деле. Там никто их не прячет и не называет кодовыми именами.

— Но почему тогда у нас всё обстоит так, как обстоит? — вполне искренне воскликнула Миголь, — Почему у нас ведутся эти игры? Эта чёртова куча правил — от цветов в одежде, которые должны носить мужчины или «женщины», до слов, которые должны употреблять те или другие? Зачем нужно это искусственное и условное ролевое разделение? Ну и жили бы все мужчинами, раз женщин прячут.

— Природа ищет лазейки, — повторил Кайл, — В прошлом существовали виды животных, определённая часть которых меняла свой пол, если его представителей становилось слишком много, на противоположный. Человеческое существо может прибегнуть лишь к операциям, гормональной терапии, или же вот таким играм в переодевание. Ибо в природе нашей всё равно есть это разделение. И никакая правительственная политика не способна его уничтожить. Даже в колонии Зэд-24 на планете Хронос, где вообще нет ни единой женщины, и люди размножатся клонированием, да и то исключительно по необходимости, даже там есть так называемые кинеды — по сути, трансвеститы, ничем не отличимые, например, от вас, юная леди. А женщин на той планете не жалуют, даже боятся, ибо некоторое время назад они стали причиной страшной эпидемии. Однако эта история не имеет отношения ни к данной колонии, ни к нашей миссии…

— Но тогда зачем же в нашей колонии правительству нужна эта игра? — наконец задала мучивший её вопрос Миголь, — Почему бы не жить, как на других планетах? Ну, сообщить, что женщины существуют. Ведь по сути ничего не изменится. Наоборот, всё встанет на свои места — как в старинных книгах. Всё равно ведь искусственно пытаются воссоздать то, что было…

— Рад, что вы так считаете, — улыбнулся Кайл, — значит, мы не совершили ошибку, оставив вас в живых, а также приведя на эту базу и рассказав всё. Теперь, когда Крис у нас, она родит ребёнка, и мы получим доказательство того, что на самом деле резервуары — это биологические женщины. Вы очень помогли нам. Надеюсь, вы останетесь столь же лояльны…

— Эммм… Я просто хотела помочь Крису, — растерянно пробормотала Миголь, догадываясь, что так просто её теперь не отпустят, — Но раз теперь всё в порядке, может быть, я могу уехать домой? Я не собираюсь никому ничего рассказывать ни о вашей базе, ни о ваших планах…

— Госпожа Миголь, — прервал её Кайл, улыбнувшись уголком губ, — Вы жена Старшего Советника. Как вы думаете, можем ли мы отпустить вас после всего, что вы здесь увидели и услышали?

Миголь приоткрыла рот, чтобы что-то ответить, но тут вдруг в комнату вломилась какая-то женщина, которую Миголь приняла сперва за отлично скорректированную.

— Девчонка у нас народилась! — радостно сообщила она, улыбаясь во все свои тридцать два зуба, — Сейчас выйдем на линию трансляции.

С этими малопонятными для Миголь словами она исчезла. Кайл вскочил.

— Чудесно! — воскликнул он, не скрывая радости, а потом обратился к Миголь, — Вы останетесь пока здесь или хотели бы присутствовать при наступлении, так сказать, новой эры?

Миголь привстала, до сих пор мало что понимая. И проговорила:

— Эм… Если никому не помешаю…

— В таком случае скорее, — поманила за собой вошедшая в комнату женщина, и Кайл с Миголь поспешили за ней.

Миголь, сбитая с толку информацией, свалившейся ей на голову, как снежный ком, плелась по узким коридорам, освещённым длинными люминесцентными лампам, то и дело едва не оказываясь сбитой с ног спешившими куда-то людьми. И вот она оказалась в числе прочих в небольшой комнате, разделённой пополам толстым стеклом. Миголь увидела нечто вроде больничной палаты. На кровати лежала женщина, вместе с которой она сегодня перенесла столько бедствий, которую посчитала беглым интернатовцем по имени Крис. Теперь Крис, с виду измотанная, взмокшая, со следами перенесённых мучений на лице, но при этом счастливая, осторожно прижимала к груди что-то слабо шевелящееся, красное, смутно напоминающее человека. Миголь широко раскрыла глаза, напуганная этим зрелищем.

— А что это за существо? — осторожно прошептала она, чуть морщась от брезгливости, — Что вообще тут произошло?

— То, что вы чуть ранее назвали «синтезом новых индивидуумов», — улыбнулся в ответ Кайл. А потом перебросился парой фраз с другими присутствующими, спросив что-то про камеры и вещательный канал. Миголь чувствовала себя полнейшей идиоткой, до сих пор мало соображая в происходящем, однако, догадалась, что Крис с этим существом, из которого в будущем должен каким-то образом вырасти нормальный человек, будут снимать на видео и транслировать повсеместно с каким-нибудь сенсационным обращением.

Размышления Миголь прервал какой-то мужчина, подбежавший к Кайлу и что-то взволнованно ему сообщивший.

Кайл мигом посерьёзнел и глухо буркнул:

— Они нас всё-таки вычислили.

Миголь вздрогнула и робко глянула на Кайла, поняв, что единственная, кого можно обвинить в произошедшем, это она. Кайл удостоил её лишь мимолётным взглядом, в котором постарался скрыть раздражение и укор. В конце концов, жена Старшего Советника не виновата в том, что муж запросто может вычислить её местоположение и послать за ней небольшой вооружённый отряд. Впрочем, этот «небольшой отряд» способен с

лёгкостью уничтожить всю базу.

Люди с удивительной организованностью стали занимать боевые позиции — «больничная палата» мигом опустела, Кайл бегло отдал какие-то распоряжения и сам исчез. Миголь двинулась было с места, но её подхватили под руки два дюжих парня.

— Вам лучше будет пойти с нами, — заявил один из них тоном, не терпящим возражений. Миголь испугалась, попыталась было вырваться, но её скрутили ещё крепче и красноречивым напряжённым молчанием дали понять, что ей не стоит сопротивляться.

Миголь быстро увели из комнаты, Крис проводила её взволнованным взглядом, тревожно прижимая к груди своего ребёнка. Двое парней торопливо устанавливали камеру, готовя подключение к центральным каналам вещания. Удалось ли им это, Миголь уже не узнала.

Её быстро тащили через зал, по которому сновали вооружённые люди, операторы терминалов и пунктов наблюдения вычисляли место дислокации врага.

— Человек сто, не меньше, — то и дело доносилось до Миголь, — Вооружение от лёгкого до среднего, четыре вертолёта класса…

Дальше Миголь не расслышала, её впихнули в маленькую подсобку, заваленную всяческим хламом, и с лязгом заперли массивную железную дверь.

Некоторое время Миголь стояла посреди комнатушки, растерянная и недоумевающая. Потом присела на какой-то ящик, покусывая ноготь на мизинце. Что же теперь будет? Муж направил сюда отлично обученных солдат, наверняка приказав уничтожить всех на базе.

И вдруг лампа под потолком замигала и погасла. Миголь поднялась, завертев головой по сторонам. Энергию отрубили… Интересно, кто? Солдаты мужа, дабы внести смятение в ряды повстанцев, или же сами повстанцы, чтобы дезориентировать нападающих? Как бы то ни было, кажется, предстоит бой. Миголь поёжилась.

Потом подошла поближе к двери, прислушиваясь. До её слуха донесся приглушённый треск стрельбы, крики и команды. Эти люди ведь ни в чём не виноваты! Они ничего плохого не хотели, чем только они могут помешать правительству?

Миголь заколотила кулачками в дверь и крикнула:

— Эй! Выпустите меня отсюда! Я жена Старшего Советника!

Она обязательно убедит мужа оставить всех, кто находится на базе, в покое. И убедит сохранить им жизнь. Может быть, даже

мужа убедит в том, что людям лучше узнать правду.

— Выпустите! — сердито повторила Миголь. Но до неё, судя по шуму снаружи, никому не было дела.

Вдруг она различила мерное шорканье по каменному полу. И замерла. Хоккеисты? Муж даже этих сюда направил?! Но если это его ручные хоккеисты, то можно попытаться выбраться ещё раз.

— Эй! Я жена Старшего Советника! — уже требовательным тоном крикнула Миголь. И добилась желаемого — рядом с дверью лязгнули коньки. Массивные металлические створки в пару ударов оказались искромсаны жуткой титановой клюшкой. Миголь отпрыгнула, когда обломки свалились с петель.

Стоявший на пороге хоккеист — громадное бледное существо в грязной майке и пластиковых щитках на плечах и животе — медленно принюхался и утробно зарычал. Миголь сглотнула, замерев, словно перед хищником. Наконец, хоккеист признал жену своего господина и посторонился, выпуская её из плена. Миголь быстро выскочила из комнаты и хотела было броситься в ту комнату, где осталась Крис, чтобы увести её в какое-нибудь безопасное место, а заодно найти любое переговорное устройство и связаться с мужем, но вдруг на её предплечье сомкнулась чудовищной силы ледяная лапа.

— Вас ищет Советник, — прохрипел хоккеист и сразу же потащил Миголь за собой, будто та весила не больше тряпичной куклы. Миголь упиралась и орала:

— Отпусти немедленно! Я приказываю! Пусти!

Криогенный хищник не обращал на трепыхания тёплого мягкого тела никакого внимания и тащил Миголь за собой, временами прикрывая её своим широким торсом от случайных пуль, которые с визгом рикошетили от него. Вокруг творился настоящий хаос — упакованные в доспехи из сверхпрочного полимера солдаты, грамотно распределившись по залу, снимали защитников базы одного за другим с лестниц и прочих ненадёжных укрытий, прекрасно видя цели благодаря инфракрасным очкам. Тут мелькали и андрогины, которые доставали тех, кто засел в особенно труднодоступных укрытиях. Несколько громадных туш хоккеистов проносились по коридорам, кромсая клюшками отчаянно отстреливающихся жертв. Пули не причиняли этим существам никакого вреда.

Миголь протащили через весь зал и выволокли на улицу. Пыльное оранжевое солнце висело над развалинами завода, служившего убежищем повстанцам, и поблескивало на гладких обтекаемых боках длинной чёрной машины. Миголь замерла, вытаращив глаза.

— Клаус? — сипло проговорила она, — Тут?

Хоккеист бесцеремонно подтолкнул её в спину, впихивая на заднее сидение машины. Миголь по инерции едва не свалилась на колени к мужу. Старший Советник сидел с прямой спиной, будто в позвоночник ему воткнули железный прут, и на лице хранил крайне холодное выражение.

— Девочка моя, я тобой очень недоволен, — проговорил он, сурово глядя перед собой, — Ты ничего не понимаешь ни в политике, ни в этой жизни вообще, а пытаешься принимать какие-то решения. Помогать скрыться этому резервуару было в крайней степени глупо с твоей стороны.

— Крис не резервуар! Она биологическая женщина! — вскричала Миголь хриплым фальцетом, — Как и все другие «резервуары»! А правительство это скрывает! Почему, Клаус? Ну почему? Зачем вам это нужно?

— Миголь, тебе не понять, — ответил Старший Советник, — И я ничего не собираюсь и не хочу тебе объяснять. А после всего, что ты натворила, я подумаю о том, чтобы не дать тебе разрешения на идентификацию.

Миголь похолодела. О нет, только не принудительная коррекция!

— Я мужчина! — неожиданно сурово заявила она, перестав модулировать голос, — Я не позволю обкромсать себя.

Старший Советник посмотрел на свою строптивую юную жену с нескрываемым удивлением.

— Что?

— Надоело всё! — буркнула Миголь, срывая футболку, — Я мужчина! Крис — женщина. Биологическая женщина. Как и все «резервуары»! И скоро об этом узнает вся колония!

Старший Советник нахмурился.

— Кажется, дитя моё, ты располагаешь какой-то информацией, которой не располагаю я… Хм…

Он вышел из машины и вытащил Миголь за собой, стремительно зашагав к входу на базу. Чуть позади сразу же возникло несколько молчаливых хоккеистов-охранников.

— Судя по всему, они нашли способ подключиться к центральным каналам вещания, — проговорил Старший Советник, сурово поджимая губы, — И ты приведёшь меня к их центру вещания.

— Вот ещё! — упиралась Миголь. Потом попыталась даже кусаться. За что получила весьма ощутимую затрещину.

— Послушай, девочка, — процедил Старший Советник сквозь зубы, — Либо до них и твоей…эм… Крис доберёмся мы, либо я отдам им приказ выискать их всех по запаху.

Он небрежным кивком указал на оживившихся хоккеистов.

— Они с лёгкостью сделают это. И будут весьма довольны…

Хоккеисты, словно в подтверждение его слов, заурчали и показали страшные зубы. Миголь сглотнула и прошептала:

— Зачем тебе Крис? И что ты собираешься делать?

— Долго объяснять, — презрительно фыркнул Старший Советник, чуть повернувшись к хоккеистам, — Итак…

— Хорошо! Я отведу! — быстро сказала Миголь. Хоккеисты за её спиной недовольно зарычали.

***

— Пять секунд! — предупредил оператор, отстроив камеру.

Крис посмотрела в камеру, приподняв младенца так, чтобы и он оказался в кадре.

— Два… Один. Давай.

— Внимание! — проговорила Крис, глядя в тёмный объектив, — Слушайте все! Правительство скрывает от вас, что…

Внезапно распахнулась дверь. Толстое стекло осыпалось на пол мелким переливающимся крошевом, оператор погиб сразу, изрешеченный смерчем пуль, а его напарник только и успел, что выхватить пистолет-пулемёт, но сразу же кувырнулся назад, разбрызгивая кровь из простреленного горла и головы. Камера почти сразу же прыснула осколками расстрелянного объектива и завалилась на бок. Младенец хрипло, надсадно взревел, Крис прижала его к себе, судорожно вздохнув и резко оглянувшись на дверь.

На пороге стоял Старший Советник в своём длинном церемониальном плаще, наспех накинутом на какую-то тёмную повседневную одежду. И опускал руку с всё ещё дымящимся пистолетом-пулемётом.

Рядом с мужем стояла бледная и неподвижная, как статуя, Миголь. А за спинами парочки переминались с ноги на ногу и волновались, почуяв кровь, несколько хоккеистов.

— Ты… — прошептала Крис.

— Я… Я не… — едва не зарыдала Миголь.

Тем временем Старший Советник шагнул вперёд, переступая трупы, перевёрнутую камеру, хрупая массивными подошвами по осколкам стекла.

— Ну что ж, снова здравствуй, — спокойно произнёс он, протягивая руку, — Давай сюда ребёнка. И не совершай никаких глупостей. Если будешь паинькой, тебя вернут в лабораторию и забудут обо всём, что произошло. А если вздумаешь сопротивляться…

Хоккеисты осторожно оттолкнулись от пола коньками и тяжело вкатились в комнату, огромные, страшные, распространяющие вокруг себя сухой мертвенный холод.

Крис прижала к себе орущего младенца и быстро помотала головой из стороны в сторону.

— Люди должны знать всё! Вы не можете больше скрывать!

Старший Советник устало потёр висок, прикрыв глаза, словно от головной боли, и коротко кивнул хоккеистам. Миголь успела только судорожно втянуть в лёгкие воздух, собираясь то ли закричать, то ли броситься вперёд, даже не думая о том, что она стала бы делать. Но хоккеисты оказались быстрее. Они рванулись к постели, походя выцарапав из рук Крис ребёнка и отшвырнув его назад (Старший Советник с удивительной лёгкостью поймал дитя), а затем в пару ударов раскромсали Крис на части. Она отчаянно отмахивалась и хрипела, когда её буквально разделывали, но умолкла очень быстро. Миголь, зажмурившись и заткнув уши, сползла на пол и тихонечко взвыла. Хоккеисты, выбрав себе куски по вкусу, один за другим отправились на поиски своего Вратаря, чтобы он, охладив мясо, помог его поглотить.

Старший Советник развернулся, брезгливо морщась от воплей младенца, и шагнул к выходу из комнаты. Миголь сжалась и дрожала, боясь даже поднять глаза на кровавое месиво на постели — всё, что осталось от Крис.

Клаус Клеменс-Зорге буркнул на ходу:

— Вставай, пошли. Нечего нам тут делать.

Внезапно он дёрнулся и отскочил в сторону — и вовремя. Сразу же прозвучал треск выстрелов, и противоположная стена покрылась круглыми рытвинами пулевых отверстий.

— Выходи, Зорге! — раздался хриплый выкрик из полутёмного коридора. Миголь подняла голову, всхлипнув. Она узнала голос Кайла.

— Доутли? — удивлённо проговорил Старший Советник, прижимая к себе всё ещё орущего младенца и осторожно перемещаясь в более удобное для стрельбы место, — Миголь, идиотка, быстро иди сюда!

Он спрятался за надёжным укрытием — массивной кроватью, с простыни которой капала кровь растерзанной Крис. Его прикрывали ещё и тела убитых оператора и его ассистента, а также металлическая туша устаревшей здоровенной камеры. Миголь тряслась у косяка.

— Иди сюда быстро! — прошипел Старший Советник. Миголь приподнялась и шмыгнула к мужу. Над головой стрекотнуло, и на макушку посыпалась штукатурка, выбитая выстрелами. Миголь пискнула и схоронилась за кроватью, едва не споткнувшись о труп оператора и не свалившись лицом в кровавое месиво на простынях.

— Выходи, хватит прятаться! — крикнул из темноты Кайл снова, — Если не будешь стоять у нас на пути, тебе позволят уйти!

— Ты сам не веришь в то, что говоришь, — ответил Старший Советник, перекрикивая плач младенца на своих руках, — Подумай, если ты убьёшь меня, то тебя уничтожат в ближайшие сутки, где бы ты ни прятался!

— Пусть так, но мы должны закончить начатое! Отдай ребёнка. Его должны увидеть люди.

— Ты всё ещё хочешь осуществить свою бредовую идею о том, чтобы всем рассказать правду?

Миголь с изумлением уставилась на мужа и приоткрыла рот.

— Ты знал? — прошептала Миголь. Муж лишь отмахнулся.

— Люди должны знать! Вы прячете женщин! Мы должны сообщить всем жителям этой колонии правду.

— И ты думаешь, что творишь благо? Кайл, ты идиот! Ты ничего не понимаешь! Ты хочешь, чтобы все узнали, что на планете на самом деле остались биологические женщины? Предлагаешь открыть лаборатории и раздать каждому мужчине по женщине? И думаешь, что все обрадуются и сразу же начнут жить, как наши предки сотни лет назад?

Ответом было напряжённое молчание.

— Люди давно забыли, что женщина — это такой же человек, как и мужчина, с теми же чувствами, мыслями, правами, — продолжал Старший Советник чуть тише, — В сознании современных людей женщина — это некий признак привилегированного положения, знак престижа. То, при помощи чего размножаются, а размножаться дозволено только лучшим. Но вот в чём загвоздка. Сейчас на планете женщин не просто хватит на каждого мужчину, а даже придётся по две или три. А всё потому, что маятник природы качнулся в противоположную сторону. Конечно, женщин всегда было гораздо больше мужчин, и человечество прекрасно существовало при подобном раскладе. Однако если сообщить сейчас, что в секретных правительственных лабораториях скрывается подобное количество женщин, вполне может начаться самая настоящая гражданская война. Элита — то есть, самые генетически здоровые члены общества — малочисленна по сравнению с низшими слоями. Ты готов к ревущему стаду черни, судорожно нахапывающему себе баб побольше?

В коридоре всё ещё царила тишина.

— Кайл, — произнёс Старший Советник уже вполне миролюбиво, — Всё должно оставаться так, как есть сейчас. Пойми, ведь это идеальная модель общества. Многие колонии

попросту вымерли от последствий генетических нарушений, спровоцированных атомной катастрофой в прошлом, а многие сгнили в эпидемиях венерических болезней. Мы же создаём здоровых, красивых и сильных.

— Но вы уничтожили семейную близость. Вы уничтожили святое — Материнство, — донеслось, наконец, из темноты коридора. Старший Советник фыркнул, криво усмехнувшись.

— Да какой прок в этом всём? Ты всегда слишком сильно увлекался историей и семантикой. Тебе так нравятся слова «мать», «отец», «сестра» и «брат»? Тебе не кажется это глупым? Это просто слова.

— Для тебя — это просто слова. Точно так же как слово «женщина» стало просто словом, — угрюмо ответил Кайл, — Скажи мне, ты хоть понимаешь, хоть краешком души ощущаешь, что ты приказал этим ледяным чудовищам сожрать мать своей дочери?

— Небольшое уточнение, — немного нервно перебил его Клаус, — Я приказал нейтрализовать резервуар, в котором синтезировалось из моего биологического материала тело нового индивидуума. К сожалению, не члена общества, а очередного резервуара. Ну да не беда. В лабораториях ещё полно других резервуаров, а семени у меня достаточно, чтобы попытаться синтезировать ещё одно тело. Надеюсь, оно окажется членом общества.

— Отдай ребёнка, Клаус! — крикнул Кайл исступлённо, — Или ты никогда не выйдешь отсюда живым!

Старший Советник поудобнее перехватил пистолет в одной руке и ребёнка в другой, сурово поджав губы и приготовившись к бою, но вдруг медленно растянув губы в улыбке.

В коридоре разносилось гулкое «вжжжжих-вжжжих-вжжжжих».

— Ошибаешься, дорогой мой Кайл, — хохотнул он, — Это ты никогда не выйдешь отсюда живым!

И в следующую секунду в темноте коридора мелькнули ярко-цианoвые точки. Застрекотал пистолет-пулемёт, а потом беспомощно защёлкал — обойма опустела. Гулко рассекли воздух титановые клюшки, раздались хлюпающие звуки, захлёбывающийся вопль, утробное рычание.

Стая вернулась, вероятно, за новой порцией мяса — на окровавленной постели его валялось ещё предостаточно.

Миголь закрыла голову руками и кричала, будто это её кромсают на куски.

И вот в комнате дохнуло холодом.

На пороге, почти полностью заняв дверной проём, стоял громадный Вратарь, неподвижный, в белой пластиковой маске,

почти не отличимой от его лица. Вероятно, он пришёл за мозгом жертвы, который подобострастно приберегла для него стая. Он повёл головой из стороны в сторону, принюхиваясь. Старший Советник поднялся из своего укрытия, облегчённо вздохнув.

— Уффф, как вы вовремя…

— Это, — огромная лапища в пластиковой «латной» перчатке указала на него, и Клаус Клеменс-Зорге вздрогнул, на секунду похолодев, точно его уже коснулось мертвящее дыхание криогенного чудовища.

— Это мясо. Дай мне, — прогудело из-под белой маски, и Старший Советник понял, что Вратарь требует младенца у него на руках.

— Это? — он сглотнул, — Но…Эмм… разве вам не достаточно того, что вы сегодня получили? Вы можете пировать на этой базе ещё месяц, не охотясь…

— Это! — грозно рявкнул Вратарь, плавно вкатываясь в комнату, и Старший Советник инстинктивно прижался к стене спиной, едва не споткнувшись о Миголь. Громадная квадратная из-за доспехов туша приближалась, и он быстро швырнул младенца от себя.

Вратарь поймал вякнувшее дитя, которое сжал вовсе не бережно. Потом снял маску. Его тонкие ноздри трепетно втягивали кровавый свежий аромат недавно народившейся новой жизни, а на красивом, как у классической статуи, лице отразилась мягкая, даже ласковая улыбка. После чего Вратарь осторожно подул в сморщенное красное личико новорождённой девочки, она взвизгнула и постепенно стихла. Потом она покрылась инеем, и Вратарь принялся аккуратно отламывать заледеневшие крохотные пальчики один за другим, отправлять их в тёмно-синий, почти чёрный рот и смаковать.

Старший Советник отвернулся, проговорив:

— Ну наконец-то перестала пищать…

Миголь не слышала и не видела ничего. Всё было слишком страшно. И слишком по-настоящему. Очнулась она от рывка за плечо. Взвилась, закричала, попытавшись отбиваться.

— Ну тише, тише, милая, это же я, — тихо и даже успокаивающе проговорил муж, погладив трясущиеся острые плечи юной жены, которая никогда не была настоящей женщиной, — Всё кончилось.

Миголь прижалась к груди мужа и разревелась.

— Всё хорошо, всё хорошо. Поехали домой, — Старший Советник, приобняв полуголого тощего парнишку за плечи, повёл его с собой на воздух.

В темноте позади них хоккеисты понаглее уже добрались до

объедков «со стола» своего вожака и порыкивали друг на дружку, отнимая куски посочнее.

Миголь уснула в машине, будто сознание милосердно отгородило её от всех ужасов недавнего прошлого. Клаус Клеменс-Зорге достал из кармана серебряный портсигар, отложив пистолет рядом с собой на кожаном сидении, и закурил. Закашлялся — не курил, казалось, целую вечность. Ох, как же завтра будет болеть голова от всего этого.

Надо будет самым тщательнейшим образом подойти к охране лабораторий. И к персоналу. Кайла стоило ликвидировать ещё когда он работал старшим биологом, ведь уже тогда были заметны его убеждения. Или чуть позже, когда он уволился. Подумать только, а ведь когда-то они чуть было не стали любовниками. Впрочем, в свои двадцать лет Клодия, впоследствии Старший Советник, была такой ветреницей! И совсем не ставила ни во что своего высокопоставленного мужа.

Совсем как Миголь.

Клаус посмотрел на прикорнувшую у него на плече жену и нежно, по-отечески, погладил гладкую щёчку. Этот мальчик никогда не станет мужчиной. Принудительная коррекция — такая малая плата за государственную измену… Но Клаус любил свою младшую жену и решил, что такого мягкого наказания будет вполне достаточно.

— Домой, — велел он шофёру и, устало улыбнувшись, прикрыл глаза.

18.05.07